

Александр Александрович Лацис
Почему плакал Пушкин?
Серия «Жизнь Пушкина»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17829796
Почему плакал Пушкин?: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0408-8

Аннотация

Лоббист во многом парадоксальных догадок в исследовании жизни и творчества А. С. Пушкина, Александр Лацис (1914–1999) принадлежит к клану неопушкинистов. Он впервые обнародовал гипотезу о родстве Пушкина и Троцкого, занимал антиершовскую позицию по поводу авторства знаменитой сказки «Конек-горбунок», а также внедрял версию о том, что дуэль поэта с Дантесом на самом деле была самоубийством.

В настоящей книге в увлекательной форме развернут поиск явного Пушкина, раскрываются «темные места» пушкинских текстов, выявляются новые факты и эпизоды из жизни поэта, затененные раньше, как и черты пушкинского характера.

Содержание

Судьба пушкиниста	5
В кругу вельмож	9
Сафьян и розги	10
Покаянное письмо	13
Непонятные слова	16
Шатер	19
Сложные проценты	21
Без лишнего шума	24
Дело приватное	26
Образец руки	29
«Гром вечных стрел»	31
Портрет адъютанта	35
Злодеи и лакеи	37
Чаепитие	41
Домашняя драма	44
Без гнева и пристрастия	46
За гранями поколений	50
Казенные дрова	52
Сгруппированный портрет	55
Собственноручное вручение	57
Шутить! И век шутить!	59
Посыльный	62
«Странное происшествие»	64
Заповедное имение	67
Знакомый голос	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Лацис

Почему плакал Пушкин?

© Лацис А. А., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Судьба пушкиниста

Когда в печати за границей впервые была опубликована проза Абрама Терца, КГБ с ног сбился, пытаясь разыскать «клеветника на советскую действительность». Однако автор хорошо законспирировался, и Комитет обратился за помощью в Союз писателей: уж братья-то писатели должны были распознать, кто именно из них является злостным двурушником, клеветником и изменником Родины. По этому поводу было специально собрано правление СП СССР, и после долгого обсуждения абсолютным большинством присутствующих на заседании было признано, что этим человеком может быть *только Александр Лацис*.

Александр Александрович Лацис-Винтер родился 8 октября 1914 года в Петрограде. Он был пасынком (усыновленным) впоследствии репрессированного и расстрелянного известного партийного деятеля и литератора Мартына Лациса, члена первого Петросовета и председателя Коллегии ВЧК, о котором Ленин отзывался как об одном «из лучших, испытанных коммунистов».

Мать Александра Лациса, Милица Лацис-Винтер, тоже была литератором – ее повести «Кукла» и «Леший», написанные хорошей русской прозой, ждут своего издателя; она же перевела и «Неоконченную повесть» Мартына Лациса, изданную «Советским писателем» в 1965 году. После расстрела мужа она уцелела благодаря приему, описанному Надеждой Мандельштам: она уехала из Москвы и в дальнейшем переезжала с места на место, как только возникал вопрос о регистрации и необходимости предъявлять документы.

Окончив в 1937 году Московский историко-архивный институт, а в 1945-м – Литературный институт им. А. М. Горького (оба – с отличием), Александр Лацис работал в Центральном архиве профдвижения и организации труда и в аппарате секретариата СП СССР. Когда в 1950 году Константин Симонов, который, как и Лацис, был одним из потомков Пушкина по внебрачной линии, стал главным редактором «Литературной газеты», он в первый же день пригласил для разговора Лациса. Зная о его происхождении, уме и образованности, о его особом интересе к проблеме расшифровки 10-й главы «Евгения Онегина» и получив подтверждение в необычном «дальнем родстве», Симонов предложил ему должность референта (помощника) главного редактора. Свою работу в ЛГ Лацис практически и начал с длительной командировки, на другой день после этого разговора уехав в Красноярск для изучения обнаруженной в архивах необычной верстки пушкинского стихотворения «*Во глубине сибирских руд...*»

В этой должности, затем литературным секретарем редколлегии (1950–1953), заведомом сатиры и юмора (1953–1955) и спецкором ЛГ Лацис проработал в «Литературной газете» до 1956 года; с 1956 по 1958 год он работал в редакции журнала «Вопросы литературы», а в 1965 году стал членом СП СССР.

Остроумный, убедительный фельетонист, он опубликовал в советской печати около сотни фельетонов (в основном на литературные темы), часть которых была издана в «Крокодильской» серии, а многие вошли в сборник «Семь спящих дев» (М., «Искусство», 1965). Немудрено, что в той или иной степени им были задеты бездарности и посредственности разного калибра, а среди собравшихся на упомянутое правление СП были и те, кто уже давно имели на него зуб. Но главной причиной столь солидарного мнения рулевых советской литературы был общий дух фельетонов Лациса, собравшимися интуитивно расценивавшийся как *антисоветский*. В те времена подразумевалось, что в фельетоне, допущенном в печать, осуждаемый факт является частностью, нетипичной для нашей действительности; тем не менее, каждая такая публикация вызывала злобу не только у ее фигуранта: за фельетонами Лациса неизменно прослеживались *явления* советской жизни.

Поскольку его причастность к «нагло-вызывающему» псевдониму «Абрам Терц» доказать было невозможно, из СП его не исключили, но было принято решение «ограничить публикации А. Лациса» в периодической печати. Не зная о принятом правлением СП решении, Лацис по-прежнему подбирал темы для фельетонов, приходил в редакции, согласовывал их, и ему говорили: «Годится! Несите фельетон!» Он приносил, фельетон читали, говорили: «Отлично!», он оставлял его, через некоторое время приходил (или звонил) справиться о продвижении материала в номер, и работники недоуменно разводили руками: фельетон застрял где-то наверху, у руководства. Руководство не объясняло своим сотрудникам, по каким причинам не разрешает публикацию материалов Лациса, а потому и они ничего не могли ему объяснить.

Это могло бы продолжаться бесконечно долго, если бы среди членов правления СП не нашелся человек, не побоявшийся сказать Лацису: «Даже не пытайся! Правление СП дало знать главным редакторам периодических изданий о своей рекомендации “ограничить публикацию” твоих произведений: подозревают, что ты и есть тот самый Абрам Терц!»

Вскоре «клеветника» раскрыли, состоялся суд над Синявским и Даниэлем, и, понимая, что без отмены решения правления СП его печатать все равно не будут, он обращается к чиновным советским писателям с письмом: дескать, вы меня подозревали, но я, как вы теперь видите, не Абрам Терц и прошу отменить ваше решение. Правление СП снова собралось и приняло новое решение: раз они постановили, что Лацис *мог* быть антисоветчиком, скрывающимся под злым псевдонимом, значит их решение было правильным, и потому они оставляют его в силе!

Не считая абсолютной бесперспективность попыток остаться в злободневном – и злополучном – жанре фельетона, Лацис сосредоточил основные свои усилия на пушкиноведении – не только в силу стойкого литературоведческого интереса к наследию дальнего прауродителя, но и в надежде на отсутствие глобальной цензуры по отношению к Пушкину. Довольно быстро он убедился в своем заблуждении: Пушкин оказался под таким пристальным приглядом Главлита, что Лацис долгие годы не мог пробиться в пушкинистику – несмотря на то, что многие его открытия до сих пор сенсационны.

До причины такого положения в пушкиноведении он додумался не сразу. Ключом к пониманию того, что происходило вокруг Пушкина, стало его открытие, послужившее основой статьи «Из-за чего погибали пушкинисты?». В статье он показал, что Лев Троцкий был прямым потомком Пушкина по внебрачной линии (Бронштейн – фамилия приемных родителей его отца) и что этого не могли не знать такие погибшие при странных обстоятельствах пушкинисты, как С. Гессен, Б. Модзалевский и Б. Томашевский. Сталину, который опасался только Троцкого и потому люто ненавидел его, не хватало только, чтобы эта информация каким бы то ни было образом просочилась из круга пушкиноведов в какую бы то ни было – в том числе и зарубежную – печать. Поэтому любой, кто где-нибудь кому-нибудь сказал или шепнул что-либо по этому поводу, уничтожался беспощадно. Первым в этой цепочке оказался С. Гессен, в 1934 году сбитый машиной на пустынной площади в Ленинграде (до нас дошло устное предание о том, что машина пушкиниста «ловила на мушку»). В юбилейную комиссию по подготовке к празднованию столетнего юбилея Пушкина в 1937 году срочно были введены чекисты, а среди ее членов активно вербовали стукачей.

Пушкин попал под такой строгий контроль цензуры, что любая попытка разбирать его произведения или обсуждать его поступки сколько-нибудь нетрадиционно по отношению к уже сложившемуся советскому канону пресекалась, любой шаг в сторону «рассматривался как побег». В такой ситуации во главе официальной пушкинистики оказались люди не столько талантливые в этой области, сколько получавшие всяческую поддержку власти за их охранительную службу, и наше пушкиноведение очутилось в положении, близком

к тому, в каком у нас многие годы была генетика. Однако, в отличие от генетики, общий дух нашей академической пушкинистики мало изменился и за последние годы.

Все свои лучшие работы о Пушкине Лацис опубликовал только в годы перестройки, часто – в малотиражных и труднодоступных для широкого читателя изданиях (как, например, альманах «Ной»). Большинство из них опубликовано в пушкинской газете «Автограф», и одно это можно поставить ее главному редактору Галине Георгиевне Сорокиной (1933–2010) в заслугу, переоценить которую невозможно. И до сих пор наша официальная пушкинистика замалчивает его исследования, поскольку открытый разговор по их поводу поставил бы ее в неудобное положение.

Лацис скончался 10 декабря 1999 года, на 86-м году жизни. После его смерти, как председатель комиссии по его литературному наследию, вместе с Г. Г. Сорокиной я занялся продвижением его взглядов и трудов. Издание книги Лациса «Верните лошадь!» (М., 2003), подготовленной пушкинистом еще при жизни, стало первым прорывом блокады: в книгу вошли его лучшие статьи, публиковавшиеся в газете «Автограф», и повесть «В кругу вельмож», впервые опубликованная в журнале «Новый мир».

В 2001–2004 гг. мне удалось осуществить несколько крупных публикаций в периодике – с целью привлечь внимание пушкинистов к тому новому, что было в его статьях о Пушкине. В 2008 году мое интервью Станиславу Кучеру, главным содержанием которого стал разговор о версии Лациса пушкинского авторства сказки «Конек-горбунок», было показано по каналу «Совершенно секретно», а в 2009-м по каналу «Культура» в программе «Цвет времени» прошел мой фильм на ту же тему. Тогда же я издал «Конька-горбунка» уже под именем Пушкина (книга имела обширную прессу и выдержала уже три издания) и переиздал в своем издательстве лучшие статьи Лациса («Персональное чучело», ИД КАЗАРОВ, 2009). В этом году мой доклад с логическим доказательством пушкинского авторства сказки был включен в программу «Болдинских чтений 2013». Ход истины неостановим, и столь же неизбежно и признание открытий Лациса в пушкинистике.

В настоящее издание, помимо статьи «Две звездочки», задающей направление поисков пушкинских эпиграмм, включен еще и фельетон «Человек безупречной чистоты», в котором вынесен убедительный приговор так называемым «Тайным запискам Пушкина», то и дело всплывающим среди обсуждаемых в Интернете спекуляций на пушкинском материале. Таким образом, этот литературный фельетон Лациса оказался надолго и своевременным, и современным.

В стремлении ощутить дух эпохи и понять мотивы поступков и творческих замыслов Пушкина Лацис подробно изучил его окружение, нравы и быт того времени. Чтобы быть максимально ближе к нему, он даже исключил из своей домашней жизни радио, телевизор и другие аксессуары XX века, оставив только телефон. С. Бонди однажды сказал Лацису, что для того, чтобы всерьез заниматься Пушкиным, необходимо владеть французским так же хорошо, как владел им поэт, – причем именно тем французским, каким пользовались в то время. Лацис последовал его совету и выучил французский язык (благо его мать была преподавательницей иностранных языков) – как и поэт, он свободно писал, читал и изъяснялся по-французски. Его манера изложения предельно проста и подчинена движению мысли, а в письме он стремился использовать пушкинский словарь. Его статьи – при внешней простоте изложения – всегда глубоки и нетривиальны; нередко они требуют перечитывания – и в этом случае его тексты благодарно открывают настойчивому читателю истинную взаимосвязь событий и фактов.

Публичная жизнь его пушкиноведения только начинается. Дух статей Александра Лациса, проникнутых любовью и уважением к своему гениальному предку, насыщенных

блестящими догадками и истинными озарениями, ставит его в первый ряд наших лучших пушкинистов всех времен.

В. Козаровецкий

В кругу вельмож Повесть из давних времен о подлинных событиях и некоторых догадках

«Судьба... так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление».

Эти слова содержатся в одном из пушкинских писем 1835 года.

В том же письме читаем:

«Жалею, что изо ста тысячей способов достать 100 000 рублей ни один еще Вами с успехом, кажется, не употреблен».

Минуло одиннадцать лет. И на голову другого знакомого Пушкина непонятным образом свалилась еще более крупная сумма. Ее принес безмолвный вестник, не проронивший ни слова.

Все в том же письме Пушкина сказано:

«Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему».

Вряд ли полностью удалось последовать этому совету. Но попробуем обойтись без дальнейших околичностей.

Сафьян и розги

Петербург, набережная реки Мойки.

В вечернее время, 15 мая 1846 года, когда хозяин находился в гостях, к собственному дому министра государственных имуществ генерала Киселева подошло неизвестное лицо, кажется, посыльный.

Был доставлен пакет, заключавший в себе сафьяновый портфель. Слово «портфель» тогда означало бумажник.

Внутри находилось написанное по-французски письмо, не имеющее подписи, и крупная сумма денег. Более ста тысяч!

Граф Киселев ничего не понял. Или не показал вида, что понял. Так или иначе, а вопрос о том, кто и с какой целью сделал это приношение, по сей день остается неразъясненным.

По одной из новейших версий сафьяновый портфель прислал... покойный граф Бенкендорф, чью посмертную волю через полтора года после его кончины выполнил приехавший то ли из-за границы, то ли с кавказского театра военных действий племянник усопшего.

Версия эта явно нелепа и вместе с тем шаблонна, по-своему характерна. Самое удобное, самое привычное решение: любые запутанные происшествия вали на ведомство Бенкендорфа, и делу конец.

Все, кто пристально интересовался биографией Пушкина, непременно знакомы с генералом Павлом Дмитриевичем Киселевым. Их пути пересекались в Петербурге, Кишиневе, Одессе, снова Петербурге. Были встречи, беседы, непринужденные упоминания в стихах:

На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг Коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещаю
Ему не стоят ничего.

(«Орлову», 1819)

Не вдаваясь пока что в пояснения, добавлю запись о Киселеве в дневнике Пушкина от 3 июня 1834 года:

«Он, может, самый замечательный из наших государственных людей...»

Полагаю, что были и письма Пушкина к Киселеву.

Подобное предположение, кажется, не высказывалось, и потому надо бы его обосновать, да нет времени входить в подробности.

Занимаясь Пушкиным, подметил я такое правило: ежели тайны и загадки поодиночке не решаются, то, поставленные рядом, они *сами решают друг друга*.

Попытаемся, свести воедино весьма далеко отстоящие обстоятельства.

А если толку будет маловато?

Что ж, в запасе всегда остается другое правило – пословица насчет двух зайцев.

В 1820 году некто неизвестный придумал и распустил слух, что поэт Пушкин был высечен розгами в тайной канцелярии.

Так вот, полагаю, что не кто-то иной, а тот же неведомый пустил вдогонку слушок дополнительный: насчет розог – это, говорят, выдумка, а сочинил ее граф Федор Толстой по прозванию Американец.

Если бы поэт не был выслан на юг России, что было бы дальше? Неизбежная дуэль. С неизбежным исходом.

Прославленный дуэлист, к тому времени сразивший не то девять, не то одиннадцать противников, пристрелил бы тогда же, в 1820 году, и двенадцатого.

В 1820-м. На семнадцать лет раньше.

Судьба – штука сложная. Выходит, что неожиданное решение Александра I о высылке поэта на юг помешало чьей-то дьявольской затее. Хитроумное покушение на смертоубийство посредством дуэли на сей раз сорвалось.

У того, кто придумал двухходовую ловушку, кроме враждебности политической могли быть и дополнительные мотивы. Зависть к чужой славе, оскорбленное самолюбие или ревность.

Впрочем, как правило, озлобленность соразмеряется не столько с поводом, сколько с характером завистника и ревнивца.

Что предпринял находившийся на юге Пушкин?

Именно то, что от него и ожидалось.

Писал на Федора Толстого эпиграммы в выражениях самых оскорбительных. Более того, тут же рассылал их с тем расчетом, чтоб они стали известны Американцу. Иначе говоря, готовил предлог для дуэли.

Чтоб сжечь все мосты, вставил эпиграмму в текст послания к Чаадаеву и напечатал послание в «Сыне отечества». Затем в отдельном издании своих стихотворений сократил эти строки – прежде всего потому, что послание из-за них становилось растянутым.

Казалось бы, надо и нам считаться с «последней авторской волей», с последним изданием. Однако почему-то печатают в первоначальной редакции. Видимо, у позднейших редакторов Пушкина имеются свои счета с Федором Толстым. Простите, я начал шутить – верный признак того, что отвлекся...

Американец не мог взять в толк: чем вызвана эта внезапная ярость? Он не помчался ни в Кишинев, ни в Одессу, просил Вяземского уговорить Пушкина, против которого ничего не имеет. Но так как Пушкин не унимался, то Американец... попробовал заняться стихотворством и сочинил ответную эпиграмму. И на сем счел дело конченным¹.

В глазах Пушкина вся эта история не выглядела забавной. О том, что он пережил, он четыре года спустя оставил запись в наброске письма к государю.

Письмо было написано по-французски, вот его начало в сделанном нами заново переводе:

«Разнесся слух, что из-за неосторожных речей и язвительных стихов меня доставили в тайную канцелярию и высекли. Я оказался последним, кто узнал о том, что повсюду идут толки. Увидев себя опозоренным в общем мнении, я пал духом...»

Продолжение фразы не вполне разборчиво. Без особых на то оснований его читают наугад: «дрался на дуэли».

Однако биографам Пушкина не удалось что-либо узнать о якобы состоявшемся поединке.

Меж тем слух насчет розог действительно мог привести к дуэли. Но не к *состоявшейся*, а к *предполагаемой* дуэли с Федором Толстым-Американцем. Такое намерение

¹ Чтобы было понятно, насколько неотвратимой становилась дуэль после эпиграммы Толстого, приводим ее текст (по книге С. Л. Толстого «Федор Толстой-Американец», М., 1990): Сатиры нравственной язвительное жало / С пасквильной клеветой не сходствует нисколько. В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл, Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил. Примером ты рази, а не стихом пороки И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

у Пушкина и впрямь возникло. Подтверждение находим в письме к Вяземскому, написанном в Кишиневе 1 сентября 1822 года:

«Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстова. Мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды... я узнал обо всем, будучи уже сослан, и почитая мщение одной из первых Христианских добродетелей, в бессилии своего бешенства закидал издали Толстова журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии: я не согласен. Куда недосягает меч законов, туда достаёт бич сатиры.

...Ты упрекаешь меня в том, что из Кишенева под эгидою ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве. Но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было ехать в Москву, где только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападение на Гр<афа> Толстова не есть малодушие...»

Как же получилось, что Пушкин, такой щепетильный в вопросах личной чести, того самого Толстого-Американца вместо вызова на дуэль пригласил быть своим сватом?

Забыл? Чего-то, выражаясь нынешним слогом, недоучел?

Забыть не мог, ибо в жизни никогда не забывал о долге чести. Значит, поступок, как и все сколько-нибудь важные его поступки, не случайный, хорошо обдуманый.

Лет через пять или шесть после появления слуха о розгах, при первой же возможности, после своего приезда в Москву поэт повел переговоры о дуэли, но полностью убедился, что по части розог Американец совершенно ни при чем. Тут-то Пушкин «постепенно начал понимать ясней», на какие душевные пружины была рассчитана двухходовая мина.

Прошло еще пять лет.

Предоставив Американцу почетную роль свата, Пушкин тем самым перед лицом общества, да и перед лицом потомков, отменил, взял назад свои запальчивые эпиграммы.

Но эта цель – вторая, побочная. А главная игра, видимо, куда более сложная.

Приглашая Американца, поэт тем самым позволил себе откровенно насмешливый намек, примерно такой:

– Господин неизвестный! Вашу давнюю ловушку я разгадал. Я ее помню. И, очень может статься, догадываюсь, кто вы.

...Изложив по возможности кратко вторую загадку, не буду смешивать ее с загадкой первой². Сначала предстоит по той, по первой, собрать дополнительные сведения.

² Второй частью загадки Лацису заняться не привелось, но имя сплетника чуть позже разгадал А. Н. Барков (см. «Прогулки с Евгением Онегиным», Тернопіль, 1998; а также: А. Барков и В. Козаровецкий, «Кто написал “Евгения Онегина”», М., 2009). Но особенно хочется подчеркнуть заслугу Лациса, разгадавшего, что это была «двухходовка», свидетельствовавшая о степени ненависти к Пушкину клеветника – поэта Павла Катенина. «Зависть к чужой славе, оскорбленное самолюбие... – все угадал Лацис, как и то, что «озлобленность соразмеряется не столько с поводом, сколько с характером завистника». Так, уже после смерти, два замечательных пушкиниста поддержали друг друга и сделали эту историю, вызывавшую недоумение пушкинистов, прозрачной.

Покаянное письмо

В июле 1820 года Александр I присутствовал на высочайшем смотре войск 2-й армии в Умани и Виннице. Все прошло хорошо. Но вот дружеское письмо к начальнику штаба 2-й армии генералу Киселеву из Петербурга от генерала Алексея Орлова:

«Я ожидал с нетерпением курьера из Умани: я почти был уверен, что могу тебя поздравить; я считал минуты, когда получу столь приятное известие; к несчастью, твое письмо разрушило мои надежды, и я до сих пор не могу опомниться от удивления.

Видно, сильно работали, чтобы тебе вредить; надо полагать, что... успехи, достигнутые тобою на месте столь трудном, усилили ожесточение твоих врагов».

Примерно та же история повторилась после свидания Киселева с государем в Варшаве в январе 1823 года: «Многое, что было ему обещано, осталось без исполнения».

(Тут я цитировал четырехтомный биографический труд А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время». СПб, 1882.)

Весной 1824 года Киселев писал Закревскому из столицы:

«Живу здесь для займа денег... Собственные дела в расстройстве ужасном... В моем положении ничего завидного нет, хотя многие завидовать мне не перестают».

В те дни дважды – и впрямь завидная честь! – Киселев был удостоен аудиенции у государя. Не прося за себя никогда ничего, он получил согласие на оказание нескольких милостей, относящихся до сослуживцев.

Да и не имело смысла просить за себя...

Возникла неотложная надобность пояснить значение слова «невежды». Говоря о Павле Дмитриевиче Киселеве, мы уже приводили пушкинские строки: *«Он враг Коварства и невежд...»*

В конце царствования Александра слова «Коварство», «невежды» употреблялись в качестве точных обозначений. Не проникая в их смысл, да еще и не зная расшифровки некоторых прозвищ, вряд ли удастся уловить оттенки борьбы тогдашних направлений.

5 января 1824 года А. А. Закревский писал П. Д. Киселеву (очевидно, с надежной оказией):

«Здесь все по-старому, и Змей имеет силу. Дибич без доклада ему ни на что не решается и не докладывает Государю».

Речь шла об Аракчееве. Его постоянное прозвище нередко сопровождалось эпитетом «Коварный». То есть дух зла, демон-искуситель, **сатана, принявший обличье змия**³.

Из этого следует, что Коварство (с большой буквы!) по преимуществу означало не что иное, как режим Аракчеева, аракчеевщину.

А кто такие невежды? Прежде всего – ставленники Аракчеева, его приспешники, затем вообще сановники ретроградного направления. Еще не было в ходу политических терминов «реакция» и «прогресс». Взамен того говорилось «невежество» и «просвещение». Вот почему сторонники прогресса – П. Д. Киселев, А. И. Тургенев, М. М. Сперанский – величались «друзья просвещения», «просвещенные вельможи».

В начале 1834 года Пушкин записал в дневник разговор со Сперанским:

«Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага».

Противостояние Аракчеева и Киселева было столь же явным.

³ Это прозвище Аракчеева Пушкин использовал в «Гавриилиаде». (См. главу «Поэма в мистическом роде» в книге: В. Козаровецкий. Тайна Пушкина. М.: Алгоритм, 2012.)

В начале октября 1823 года из Тульчина, то есть из штаб-квартиры 2-й армии, император Александр отправился к Аракчееву в Вознесенск – столицу южных военных поселений. Взяв с собой начальника штаба 2-й армии Киселева, Александр хвалил Аракчееву 2-ю армию, только что успешно завершившую большие осенние маневры.

Когда государь ушел в кабинет, Аракчеев при оставшемся многолюдном собрании обратился к Киселеву:

– Государь так доволен вами, Павел Дмитриевич, что я желал бы поучиться у вашего превосходительства, как угождать его величеству. Позвольте мне приехать для этого к вам во Вторую армию. Даже не худо было бы, если б ваше превосходительство взяли меня на время к себе в адъютанты.

Слова эти всех удивили, и взоры присутствовавших обратились к Киселеву. Тот без малейшего замешательства отвечал:

– Милости просим, граф. Я очень буду рад, если вы найдете во Второй армии что-нибудь такое, что можно применить к военным поселениям. Что же касается до того, чтобы взять вас в адъютанты, то извините, – прибавил он с усмешкой. – После этого вы, конечно, захотите сделать и меня своим адъютантом, а я этого не желаю.

Ответ прозвучал как неслыханная дерзость. Всесильный временщик закусил губу и отошел прочь.

Современники отмечали, что Киселев никогда не прибегал к интригам и заискиваниям, однако «прирожденная горячность» (тут намек на южное происхождение: одна из бабушек была грузинкой) «иногда увлекала его и доводила до резкостей, которые, в соединении с завистью к быстрому его повышению, породили ему немало врагов».

Впрочем, возможно, что словесная перепалка с Аракчеевым выходила за рамки простой случайности. Через год-полтора оказалось, что все адъютанты Киселева состояли в Южном обществе. Новых командующих полками Киселев последние два-три года назначал исключительно из числа членов тайного общества. Вероятно, Киселев немало знал о готовящемся Пестелем заговоре. Но кое-что мог знать и Аракчеев...

Впоследствии Киселев получил письмо из Сибири от одного из своих бывших подчиненных:

«Ваше превосходительство, прошу вас не простить меня, но забыть меня. С вами, как ближайшим начальником, я должен был прежде всего быть открыт, что короткое время был в обществе с Пестелем... Я наказан, но справедливо; покоряюсь судьбе и прошу вашего прощения и забвения».

Киселев, конечно же, прочитал письмо в обратном значении, все понял и действовал соответственно. Помогал семье декабриста средствами, затем содействовал в получении детьми образования. Дети выросли, он хлопотал за них и далее, присутствовал на свадьбах и крестинах. А письмо сберег, потому что оно – важное.

Скажем заодно, что в 1834 году, остановясь проездом в Москве, Киселев большую часть времени проводил у бывшего под опалой Михаила Орлова.

Засим повторим расстановку сил в придворных кругах весной 1824 года, когда Киселев прибыл в Петербург с докладом и был удостоен очередной порции царских похвал и неисполненных обещаний.

Киселев и его друзья – Алексей Орлов, а также Закревский, уже отосланный из Петербурга в Финляндию, – опирались на князя П. М. Волконского. Другая тройка, трое невежд, три чурбана – Аракчеев, Дибич, Клейнмихель – недавно подковырнули Волконского.

Петр Михайлович лишился важнейшего поста. Его должность, в то время именуемая «Начальник Главного штаба», сочетала в себе полномочия военного министра и... председателя комитета министров!

Место Петра Михайловича занял ставленник Аракчеева Дибич. Пунктуальный немец не преминул бы напомнить, что награждение Киселева будет сочтено Аракчеевым за личное оскорбление. Подчиненным Киселева досталось не более половины обещанного.

Возвращаемся к началу. 15 мая 1846 года, Петербург, набережная реки Мойки. В десять часов вечера, как сказано выше, в отсутствие хозяина дома П. Д. Киселева швейцар принял у неизвестного лица, то ли немого от рождения, то ли иностранца, пакет, обернутый в сероватую бумагу.

Посыльный не попросил расписки.

На следующее утро 16 мая граф Павел Дмитриевич, занявшись разбором почты, собственноручно вскрыл сверток, в коем оказался сафьяновый портфель. Он имел формат, равный небольшой папке или книге, которую можно положить в карман. Размером приблизительно девятнадцать сантиметров на двенадцать. Четыре отделения, в центре замочек.

Портфель оказался заперт, ключ висел тут же, привязанный на шнурке. Первое, на что упал взгляд, было письмо, не имевшее подписи, написанное по-французски.

Кроме того, там находились опять-таки обернутые в сероватую бумагу пачки кредитных и банковских билетов, ценные бумаги.

Но прежде всего Киселев прочел письмо.

Предлагаемый ниже перевод, как и все последующие, выполнен мною. При этом я стремился возможно более полно сохранить слог того времени. Да и нельзя иначе: тут каждый оттенок важен.

«Безымянное письмо обычно имеет мало права на доверие порядочных людей. Следовательно, еще менее, чем к кому-либо, мне пристало подобным образом обращаться к вам; однако ж сознание моих прегрешений вынуждает желать, по причине некоторого малодушия, дабы в неведенье оставалось имя автора.

Я был вашим врагом, господин граф. Благосклонность к вам Императора Александра, доверие, которое Он вам оказывал, блистательный путь, который Он предоставил вам свершить, – все вызывало мою ревность или скорее ненависть.

С тем чтоб в Его усмотрениях ничего не было упущено, Он приуговаривал вам денежную награду, которая долженствовала еще раз знаменовать Его благоволение.

Я о сем узнал; быв уведомлен о Его щедрых помышлениях, я их расстроил доводами, коих ныне стыжусь; мне удалось завладеть тем, что было предназначено вам.

В сем положении я пребывал до тех дней, когда угрызения охватили мою душу, когда, без зависти, я воздал должное вашим высоким достоинствам: справедливости, вошедшей в поговорку, и безупречной преданности своим обязанностям, каковая в нынешние времена находит мало примеров. Моя провинность представилась мне более тяжкой, она меня гнетет, и я не в силах долее нести сию ношу.

Верните мир моей совести, дабы на то время, которое мне еще осталось, она очистилась от всяческой скверны. Примите то, что является вашим, то, что я у вас постыдно похитил. Токмо лишь сие возвращение может мне помочь вновь обрести покой и собственное уважение. Ничто иное не послужит достижению сих чаяний и лишит мое раскаяние своего единственного утешения.

Если ваше великодушное сердце и простит меня, сие никогда не изгладит ту скорбь, которую я испытываю из-за моих провинностей перед вами».

Само собой понятно, что в этом письме упрятаны начала и концы занимающей нас загадки. Но как к ней подступиться, на что обратить внимание?

Непонятные слова

В поисках подсказки обратимся к Пушкину и перечитаем две строки из X главы «Евгения Онегина», из той, которую обычно именуют сожженной:

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь.

Эти строки числятся в ряду неясных, необъясненных.

Впрочем, печатают к ним примечаньице, печатают:

«Как указал в 1913 году Д. Н. Соколов, “под «ханжою»... Пушкин разумел несомненно князя А. Н. Голицына; так назван последний в послании к Н. И. Гнедичу (1821)”»

Примечание как примечание, не хуже других. А. Н. Голицын был министром народного просвещения. Проявил себя так, что его вполне возможно было назвать ханжой.

И все же подвергнем примечание сомнению. Первая зацепка – слова, которые мы вовсе не замечаем, – 1913 год.

Тот год, когда царская Россия торжественно отмечала трехсотлетие дома Романовых.

Во дни официальных ликований мог ли ученый высказать напрямую все свои истинные соображения?

Если бы проморгало ближайшее начальство, императорская Академия наук, шлагбаум поставили бы другие «блюстители тишины».

Вскоре решительно сменилась обстановка. Молебствия о даровании и ниспослании вспоминали разве что юмористы. И никому не приходило в голову выискивать в статье Соколова какие-то иносказания. Как написано, так и читали, так и понимали, заучили наизусть, привыкли. И по сей день повторяют сведения, «указанные» Д. Н. Соколовым.

Путаница, учиненная в 1913 году, из тех, что в фальшь не ставится. Иные неверные прочтения пушкинских строк или ложные к ним пояснения возникали вынужденно, по причине невозможности высказать истину.

Вместо правильного объяснения, которое неудобно, некстати, вразрез, Соколов дал толкование заведомо ошибочное. Но изложил его до того нелепо, что любой студент должен был разгадать *незаметную подсказку*.

Вот она, подсказка: речь идет, как объясняет ученый, о том самом ханже, который упоминается в послании к Гнедичу.

Нашлись доверчивые люди. Поняли буквально. Так и запишем: в послании к Гнедичу имеется в виду Голицын.

Нашлись менее доверчивые. Не получается Голицын. А кто же тогда? Ну, значит, другой мракобес. М. Магницкий. Так и запишем...

Отбросим доверчивость и перечитаем послание:

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;

...Все тот же я – как был и прежде;
С поклоном не хожу к Невежде,

С Орловым спорю, мало пью,
Октавию – в слепой надежде –
Молебнов лести не пою...

...Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,
И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.

Напомним, что Август и Октавий – одно и то же лицо. Возникает параллель: Август-Октавий изгнал из Рима на берега Черного моря поэта Овидия, Александр I в те же края – поэта Пушкина.

Параллель подкреплена упоминанием о глухом кумире. Суть в том, что Александр I был сильно глух. Это усугубляло его мнительность. Не улавливая хода застольных бесед, не схватывая шуток, внезапный взрыв смеха принимал он на свой счет.

Впоследствии, в 1829 году, Киселев поведал А. И. Михайловскому-Данилевскому следующую историю, которую собеседник немедля занес в дневник.

Однажды адъютанты Александра I – Киселев, Орлов и кто-то третий – стояли во дворце в коридоре у окна, рассказывали друг другу забавные истории и хохотали. Вдруг проходит император, и они перестают смеяться. Но появление его было столь внезапно, что на их лицах видны были еще следы смеха.

Через несколько минут государь посылает за Киселевым. Император стоит перед зеркалом, смотрит на себя то с одной стороны, то с другой, наконец спрашивает, что в его особе могло быть смешного.

Крайне изумленный Киселев отвечает, что не понимает, о чем идет речь.

– Скажи мне правду, может, сзади моего мундира есть что-нибудь подавшее повод к насмешкам? Потому как я видел, что ты с двумя своими приятелями надо мной надсмехался.

Киселев заявил, что не выйдет из кабинета до тех пор, пока император не убедится в несправедливости своего предположения.

– Пошлите за остальными, и пусть они вашему величеству расскажут, о чем мы смеялись.

После долгих стараний Киселев успел убедить в своей невиновности глуховатого и оттого все более подозрительного императора...

«Ханжа» в зашифрованном четверостишии, как внятно и верно подсказывал Д. Н. Соколов, тот же самый, что и «ханжа» в послании к Гнедичу. Истинная мысль Соколова ясна. Продолжим его сообщение и доскажем то, что невозможно было привести в печать в дни монархического юбилея 1913 года.

Если «ханжа» – Александр, то нетрудно понять, о чем речь в строке «ханжа запрется в монастырь».

Император неоднократно делился своим намерением отречься от престола, стать простым помещиком и сажать цветы, либо *уйти в монашескую обитель*.

Эти разговоры оставались разговорами.

Вернемся к другой строке – «авось, аренды забывая...» Наиболее сложным для восприятия является слово «аренда». Оно кажется знакомым, известным в значении взять в аренду, сдать в аренду, арендовать.

Все эти значения необходимо откинуть, благо из-за них не удастся уловить смысла. В начале XIX века слово это было одним из самых важных.

Арендой называлась *денежная награда*, даруемая царем. Иногда единовременная, но чаще повторяемая ежегодно, обычно в течение двенадцати лет. Дарование аренды в десять тысяч рублей, как нетрудно посчитать, составит в конечном счете сто двадцать тысяч.

Теперь, когда вы уже немного знаете «правила игры», перечитайте снова письмо неизвестного лица. Вам станет многое понятней. Речь, видимо, идет о возвращении не врученной в свое время разовой аренды.

Повторяю совет: почаще перечитывайте загадочное письмо.

Ведь чуть ли не после каждой главы нашей повести у вас изменится впечатление, сдвинется угол зрения.

Что такое аренда, мы уяснили. Но что означает «авось, аренды *забывая...*»?⁴

Упомянутый выше Михайловский-Данилевский, впоследствии небезызвестный военный историк, вставил в свой дневник такую запись об Александре I:

«Перестали доверять его ласкам, если он кому-либо их оказывает, и простонародное слово “надуть” сделалось при дворе общим; может быть, оно не для всех будет понятно, но кто хорошо знает нашу эпоху, согласится, что оно и есть лучшая характеристика оной».

Судя по резкости выражений, приходится предположить, что запись либо внесена позднее, либо задним числом «заострена». Всего можно ожидать от двуличного официозного историка, которого остроумец князь Меншиков прозвал «придворным баснописцем».

Но не по слогу, а по содержанию как раз данная запись представляется достоверной. И потому позволительно сделать вывод: строка «авось, аренды *забывая...*» была написана Пушкиным с обычной для него ясностью.

Не сомневаюсь, что он знал положение дел в царствование Александра I не только в общих чертах.

От кого он мог слышать историю о денежной награде, которая была обещана, но не была вручена? От самого генерала Киселева? Скорее от его адъютанта Ивана Бурцова.

⁴ Впоследствии Лацис внес уточнение: вместо «забывая» – «добывая»; см. в настоящем издании – «Восстановление Десятой главы».

Шатер

В 1814–1817 годах вместе с Вольховским, первым учеником Лицея в Царском Селе, и вместе с Иваном Пуциным офицер лейб-гвардии Бурцов принимал участие в вольнодумной «Священной артели». В это время он знакомится с Пушкиным. В годы южной ссылки поэта Иван Бурцов служит во 2-й армии, он – один из адъютантов генерала Киселева.

В бумагах Киселева сохранилось письменное объяснение, затребованное им от Бурцова в связи с запросом Александра I, – верен ли слух об участии Бурцова в некоем тайном обществе. Бурцов заверяет, что весьма чтит особу государя.

И тут же рядом лежит отпечатанное в типографии «Описание Высочайшаго Государя Императора пребывания во 2-й армии в 1823 году». Эта придворная хроника, составленная в штабе Киселева Бурцовым, содержит до крайности, до нелепости преувеличенную лесть, подбострастие, явно комическое.

После подробного описания места ночлега – императорского шатра – говорится:

«...Протечет много времени, и потомство будет посещать тот холм, который был осе-нен шатром Александра!»

«...На другой день до 9-ти часов все было покойно. В сие время Государь, выйдя из палатки, изволил неоднократно обращать взор на прелестные окрестности, отдавая им полную похвалу».

«...Предположено было... угостить Его Величество обеденным столом посреди всей армии.

Мысль сия была приведена в исполнение самым блистательнейшим образом... Минуты сии представлялись истинно великими и почти небывальными в новейшем существовании народов. Кто назовет сей случай, где бы целая армия угощена была обедом пред глазами своего царя? Дело сие принадлежит совершенно древности и великостию своею приводит каждого в удивление».

Нам сдается, что Александр I сей документ читать не стал. Только этим можно объяснить, что после представления шутейного отчета государь... наградил Бурцова орденом.

Вообразите, как бы хохотал Пушкин, читая озорное подражание слогу придворных льстецов.

А он, возможно, читал. Если не тогда же, допустим, в ноябре 1823 года в Одессе, то в 1829 году, когда вновь встретился с Бурцовым и с Вольховским на Кавказе.

Сейчас, в мае 1846 года, не вопросы слога и стиля занимали Киселева. В этом «Описании...» содержались нужные ему сведения.

Итак, Тульчин, вернее, его окрестности, маневры, октябрь 1823 года. Шатер государя замыкает собою вершину треугольника. По левую сторону семь палаточных домиков. По правую сторону еще семь домиков, там свита государя.

Свитские генералы Ожаровский, Чернышев, Воронцов, Раевский завидовать Киселеву не имели причин. Впрочем, Александр Иванович Чернышев терпеть не мог Киселева безо всякой видимой причины.

За каждой генеральской палаткой – две адъютантские. Фамилии адъютантов в «Описании...» не приведены. Может, напрасно на эти палатки не оглянулись позднейшие следопыты, то есть историки? А что, если чей-то адъютант, полковник? Вот кого обошел и в службе, и в чинах молодой генерал Киселев. Вот кому еле кивнул с высоты своего немалого роста. (Рост был метр девяносто. Отсюда прозвище, данное одним из племянников: Дядя-пьедал.)

Тем временем Киселев пришел к выводу: не столь важно, какие генералы и какие адъютанты находились в составе свиты государя в октябре 1823 года, поскольку первую палатку свиты уже занимает генерал Дибич.

Иначе говоря, там нет Петра Михайловича Волконского.

А это означает, что осенью 1823 года навряд ли могла возникнуть мысль о даровании денежной награды.

Вероподобнее, что распоряжение было сделано ранее, когда все непременно шло через Волконского.

Но Волконский вне подозрений, он усердный исполнитель царской воли. К тому же Киселев – его подопечный.

Очевидно, кто-то другой тогда «ударил под руку». Насплетничал. Мол, Киселев амурничает с сестрой своей жены, с Ольгой Потоцкой.

А согласно церковным установлениям сие не простой грешок, а великий, равный кровосмешению.

Надо пояснить: «факт» насчет Ольги «имел место». Но это тот случай, когда факты не отвечают истинному положению вещей.

Не Киселев славился предприимчивостью, ею отличалась Ольга.

Сложные проценты

А сколько там, в портфеле, было денег?

По первому подсчету 138 тысяч 996 рублей.

Довольно быстро я сообразил (значит, Киселев должен был догадаться еще быстрее) – цифра потому не круглая, что она с процентами.

Нельзя ли при помощи нехитрых, хотя и копошливых вычислений установить, с точностью до одного года, дату присвоения чужой награды?

Берем наугад исходную сумму. За каждый год прибавляем проценты.

Чему был равен банковский процент, пробуем выяснить хотя бы при посредстве энциклопедии Брокгауза.

Проценты, а к ним еще и проценты на проценты росли на протяжении какого-то числа лет, опять-таки пока неизвестного. Лет двадцать, не менее, поскольку царь Александр скончался в ноябре 1825 года.

Из Брокгауза я узнал, что учетная ставка менялась. До 1830 года начислялось по пять процентов в год, а затем по четыре. Не вполне ясно, куда отнести 1830 год? По пять или по четыре?

В задачке слишком много операций, чтоб решать ее вручную. Кроме того, в школьные годы математикой я занимался с грехом пополам, через пень-колоду.

Вспомнился один домашний разговор.

Было мне лет десять.

Мама сказала: «Есть такое правило. Закон Тейлора. Каждую работу должен делать тот, кто ее сделает лучше и быстрее, кому ее делать легче. Как ты считаешь, правильный закон? Ну, а раз правильный, то отложи книжку и по закону Тейлора вынеси мусорное ведро».

Шел я с мусорным ведром и гордился тем, что я единственный мальчик в мире, который несет мусорное ведро не просто так, а по закону Тейлора. Нет, не шел я, а бежал: торопился вернуться к чтению.

К кому же я обратился, вспомнив о законе Тейлора?

К главному эксперту министерства финансов. На какой-то машинке, вооружившись еще и таблицей сложных процентов, он принялся проделывать пробные расчеты.

За исходную цифру сначала принимались пятьдесят тысяч рублей, потом тридцать, затем шестьдесят, остановились было на сорока...

Пришли к выводу, что по формуле сложных процентов начальная дата...

Впрочем, ни к какому выводу не пришли. Расчеты осложнились еще более. Как уже упоминалось, часть денег, а какая – в точности неизвестно, состояла из ценных бумаг. За последние годы купоны, кажется шестипроцентные, на билетах коммерческого банка не стриглись. Судя по сему признаку, можно предположить, что вклад был изъят из банка не в 1846 году, а в 1844-м, если не раньше.

Значит, нам не известна не только начальная, но и конечная дата начисления банковских процентов. Задача не решается: слишком много неизвестных величин.

Из всего этого следует попутный вывод: даже с нарушением тайны банковского вклада Киселеву не удалось бы что-либо выяснить через банк. Ни в 1846 году, ни в 1845-м такой вклад не изымался.

Вот единственная точно известная цифра: после стрижки накопившихся купонов окончательная сумма на 15 мая 1846 года составила 142 тысячи 876 рублей.

Кем-то была присвоена разовая аренда в размере либо сорока тысяч рублей, либо пятидесяти тысяч. Смотря когда...

Тем временем Павел Дмитриевич Киселев в первую свободную минуту выдвинул все ящики письменного стола и разложил перевязанные тесьмой пачки писем.

Перед тем как углубиться в сличение почерков, он еще раз перебрал в уме наиболее явных личных врагов.

Лет десять тянулась судебная тяжба с родственниками жены. Они оспаривали завещание, оставленное знаменитой красавицей – гречанкой графиней Софьей Потоцкой, урожденной Софьей Клавоне. Ее дочери, Софья и Ольга, в конце концов дело выиграли благодаря энергичным действиям Киселева. Но к тому времени Софья Станиславовна Киселева, урожденная Потоцкая, и Павел Дмитриевич Киселев уже были в разъезде по обоюдному согласию.

Почему проигравшие дело графы Потоцкие, которые десять лет судились из-за имений, из-за капиталов, должны отдавать какие-то деньги?

Нет, это им не свойственно.

В июне 1823 года состоялась дуэль Киселева с генерал-майором Мордвиновым. Секундантом выступал адъютант Киселева Иван Бурцов.

Стреляли одновременно. Пуля Мордвинова пролетела мимо виска Киселева.

«Я ранен», – сказал Мордвинов. Через десять часов он погиб при явлениях острого загноения внутренностей. Киселев целил в ногу, но пуля попала чуть выше.

Ранения в живот в ту пору были смертельны.

Пушкин, еще не зная своей судьбы, очень интересовался дуэлью двух генералов. «В продолжение нескольких и многих дней он ни о чем другом не говорил». Он спрашивал: какого вы мнения? Кто выказал более чести, достоинства? Кишиневский приятель Пушкина Николай Степанович Алексеев держал сторону своего дальнего родственника Киселева, Липранди тоже был за Киселева. Однако Пушкин считал, что Мордвинов, вызвав на дуэль своего непосредственного начальника, тем самым явил более мужества.

Киселев обязался выплачивать вдове тысячу двести рублей ежегодно. Она сначала отказывалась, потом приняла пособие.

Как раз год назад, в 1845-м, умер отец Мордвинова. Так что же, перед смертью распорядился все возместить? Во-первых, у Мордвиновых не может быть таких денег, во-вторых, приношение в несколько раз больше суммы, которую выплатил Киселев.

Между тем просмотрены письма нынешнего военного министра генерала А. И. Чернышева. В 1826 году в ходе следствия по делу декабристов он старался упечь Киселева, но не добился обвинительных показаний от арестованных. В числе привлеченных к следствию были все адъютанты Киселева и все лично им назначенные командиры полков 2-й армии.

Чернышев человек прескверный, но тем менее вероятно, чтобы он расстался добровольно хотя бы со ста рублями.

Да и почерк не сходится.

Перечислим остальных корреспондентов подряд, и честных и бесчестных. Бенкендорф. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде. Известный казнокрад министр просвещения С. С. Уваров. Пришедший в ветхость князь П. М. Волконский. Недавно умерший министр финансов Е. Ф. Канкрин. М. С. Воронцов. Даже умершего пятнадцать лет назад И. И. Дибича не надо оставлять без сличения. А вдруг письмо написано пятнадцать лет назад?

Ах, не с этих размышлений надлежало начинать. Сначала ему бы обдумать свой вчерашний вечер, проведенный в гостях. Что он делал около десяти часов вечера? В карты

играл. Кто еще присутствовал из видных сановников? Не уехал ли кто незадолго до десяти часов?

Все эти вопросы пришли Киселеву на ум лишь через неделю. Вспоминал, вспоминал, так никого подходящего и не вспомнил.

Может быть, его отсутствие из дому установили при помощи наружного наблюдения? Какие-то иностранные скрытные агенты хотят его скомпрометировать? Тьфу, пропасть, до какой чепухи можно додуматься.

Не кроется ли тут какой-нибудь иной подвох?

Что сразу сделал бы Киселев, если бы он не был настороже? Поехал бы к давнишнему другу своему, к Алексею Орлову, новому шефу Третьего отделения.

Значит, именно этого делать нельзя. Неизвестно почему, но нельзя. Многолетний опыт придворной жизни привел к выводу: чем естественней поступок, тем более вероятно, что он окажется нарушением приличий, а то и непоправимой ошибкой.

Все танцуется от печки. Все надо обдумывать с оглядкой на государя.

Николай I возвратится в столицу лишь через три недели. Вполне хватит времени, чтобы наилучшим образом подготовить на высочайшее имя пресложнейшее письмо.

Без лишнего шума

Почему вдруг в 1846 году возникла необходимость вернуть деньги, присвоенные давным-давно, более чем двадцать лет назад? Да еще со всеми процентами, тщательно подсчитанными?

Некий жулик рехнулся, что ли?

Но нет, письмо неизвестного – будем его впредь именовать *Искомый* – вполне разумное.

Религиозные угрызения в связи с предстоящей близкой кончиной?

В таком разе мог пожертвовать половину на благо церкви. Согрешил, покался, искупил грех и обрел покой в добронравных помышлениях. Да в письме нет ни слова о воле божией, не видно в нем ожидания близкого конца.

Бойтся Орлова, всесильного Третьего отделения? Но раз Искомый на равных обращается к министру графу Киселеву, раз он смог воочию убедиться в достоинствах графа, значит, и сам поднялся на немаловажную ступень.

Да, в молодые лета поступил неблаговидно. Но разве нарушил Уголовное уложение? Было приказано: затребовать сумму для награждения, подготовить пакет. Искомый приказание выполнил. Затем, видимо, было повелено повременить. Он так и поступил.

Он может утверждать, и никто не сможет это опровергнуть, что через месяц в ответ на его вопрос царем было сказано: «Напомни, на чем мы стали?»

И еще могло быть сказано: «Отложим этот разговор до другого раза».

Затем он, Искомый, полагал неудобным напоминать.

Другого раза не было, так как царь либо забыл, либо не по душе ему было принимать определенное решение. И сумма осталась на руках.

Потом, когда царь умер, Искомый счел себя не вправе вручать пакет Киселеву. Всякие ходили разговоры.

А вдруг Киселев окажется в числе заговорщиков?

А вдруг Киселев... вот он, говорят, болеет...

А вдруг в Третьей Особенной кредитной канцелярии наводнение повредило бумаги?

Киселева не арестовали, он не умер, архив не погиб.

В одном и том же году, в 1844-м, А. Ф. Орлов сменил Бенкендорфа и Ф. П. Вронченко – Канкрина. Давний (с 1820 года!) начальник Третьей кредитной канцелярии стал министром финансов.

26 апреля 1846 года министр Вронченко, выполняя распоряжение Николая, оформлял продление аренды, дарованной Киселеву в 1836 году, еще на двенадцать лет.

Возможно, при этом Вронченко попутно заметил:

– Вот, я знаю, вы никогда не просите, а все цари вас награждают.

Киселев, естественно, ответил, что от Александра денежных наград никогда не получал.

Федор Павлович, очевидно, проверил свою память и отыскал в реестре запись: в знак монаршего благоволения и прочая тогда-то была затребована такая-то сумма и выдана через такого-то. Посмотрел формуляр Киселева. Там эта сумма не обозначена.

Как поступил Вронченко – мы не знаем. Постараемся «думать от Киселева». Судя по его дальнейшим действиям, вот какой ход событий представлялся ему наиболее вероятным.

Вронченко сложил все бумаги в папку и пошел с докладом.

Царь рассудил:

– Хорошо, что доложил. Огласке не предавай. Папку оставь у меня. Я сам займусь ею на досуге.

Николай I, превосходный лицедей, любил эффектные сцены. Вызвал виновника, люто негодовал, стращал судом. Затем явил великодушие:

– Деньги вернуть. Не мне, не казне, а Киселеву. И с приращением. Со всеми сложными процентами. Пред Киселевым письменно повиниться. Имя свое в повинном письме не открывать, чтоб дело не могло получить дальнейший ход. Сплетничать по догадкам, может неосновательным, Киселев не станет, я его знаю, это не в его натуре.

Вся длинная цепочка наших предположений держится на исходной посылке: без ведома и прямого приказа царя Николая никто бы такие большие деньги отдавать не стал.

Но верно ли, что версия является единственно возможной?

Если письмо писал жулик, то он действовал по цареву повелению, деньги отдавал по приказу.

А если отдавал добровольно? Значит, он, жулик, – вовсе не жулик?

Логический тупик можно обойти. Предположим, что жулик – а он сам признается, что жулик, – человек не без странностей.

Дело частное

Мысль Павла Дмитриевича шла примерно таким путем: если царь Николай заставил кого-то написать письмо, но дозволил отослать письмо без подписи, значит, он полагает нужным, чтоб тайна была сохранена.

Николай своим приближенным предоставляет свободу действий лишь при одном условии: чтобы они точно и безошибочно угадывали его желания, его намерения.

Надо писать к царю. Просить совета.

Прежде всего необходимо исполнить желание Николая, состоящее в том, чтоб он, Киселев, решительно ни о чем не догадывался, ровным счетом ничего не понимал и терялся в предположениях.

Далее в своем письме он должен не уступать, а превзойти по части благородства этого жулика, этого сукина сына – Искомого.

В заключение он должен всю сумму передать царю на его усмотрение – «дабы ограбить свою честь и не свершить чего-либо противозаконного». И заявить о готовности полностью отказаться от сего странного приношения. Но высказать все это так искусно, чтоб не вынуждать царя принимать его отказ.

Если же Николай о сем случае ничего не знает, то тем приятнее ему будет узнать раньше всех о таком необычном происшествии. Пусть на этом примере царь убедится, что моя с Орловым дружба на втором плане, а доверие государя – превыше всего.

Киселев изрядно потрудился над своим письмом. Человек, который все понимает, сумел вполне правдоподобно выразить мысль о том, что он ничего не понимает.

Вряд ли стоит приводить письмо целиком. Ведь мало перевести его с французского на русский. Надо бы еще для ясности перевести с придворного слога на обычный, общепонятный. Но тогда будут утрачены многие оттенки.

Содержание письма нашим читателям знакомо: в нем рассказывалась уже известная история о появлении посылного, о сафьяновом портфеле...

Поэтому приведу лишь выдержки – начало и конец письма от 8 июня 1846 года. Чтоб получить представление о придворном слоге, сего будет довольно.

«Государь!

С давних пор благоволение Вашего Величества мне дозволяло прибегать к Вам во всех случаях и при всех обстоятельствах. Дело частное, весьма неожиданное вынуждает меня умолять Ваше Величество уделить мне немного времени, и прошу извинить, что отрываю его от Ваших важных занятий.<...>

Я повергаю это дело пред Вашим Величеством с доверием человека, приученного следовать наставлениям Вашего благородного сердца, и я их ожидаю, Государь, с совершенной и полнейшей покорностью.

Вашего Императорского Величества низжайший, всепокорнейший и преданный слуга и подданный».

Ответ пришел быстро. В среду 12 июня. Но не от царя, а из Третьего отделения, от А. Ф. Орлова.

«Я пишу лишь несколько слов, дорогой друг, дабы известить, что Император препоручил мне твое частное дело, о коем ты ему сообщил.

Нет нужды передавать – в каких выражениях он отдал дань благородству твоих чувств.

Скажу только, что со своей стороны я рад сему происшествию, которое на тебя с неба свалилось.

Моя догадка – что сие исходит от твоей жены. Это деликатный способ вернуть то, что тебе следует за бескорыстие, которое ты проявил во всем твоём отношении к ней. Она во многом была повинна пред тобою, она по совести возместила ущерб, и это примирило меня с ней.

Вот, признаюсь тебе, мои предположения. Учитывая обстоятельства минувшие и нынешние, данное дело никак не возможно объяснить иным образом.

Я не хотел бы ничего предпринимать, не повидав тебя и не условившись о том, что делать. Ты упомянул в своем письме о банковом билете, написанном к графу Кушелеву-Безбородко; можно у него спросить – не помнит ли он, кому его передал? Впрочем, это ни к чему не приведет, так как билет мог пройти через несколько рук.

Другой путь мне кажется более верным. Если бы ты передал мне портфель, можно было бы разыскать человека, который его делал, и, следственно, узнать – кто ему заказал.

Вот что на скорую руку я думаю о том, что можно предпринять. Но я не буду ни с кем говорить, пока не посоветуюсь с тобой.

Обнимаю тебя сердечно.

Орлов».

Сохранилось ответное письмо Киселева от 14 июня на трех страницах. Он решительно отвергает предположения насчет безыменного дарения от жены, которая – он это выяснил – свой банковский вклад не трогала.

Есть еще одно письмо Орлова. Они условились, что в ближайшее воскресенье, 16 июня вечером, Киселев приедет к Орлову на дачу в Петергоф, точнее говоря, в Стрельну.

Переписка – она вся велась по-французски – любопытна еще тем, что в ней проскальзывают нотки, по коим можно судить о правилах придворной игры.

П. Д. Киселев – А. Ф. Орлову

«Начну с того, что моим первым намерением было предварительно поговорить с тобой и просить твоего совета.

Однако, полагая, что Император вправе быть о сем уведомлен первым, я не желал погрешить, поступая в противность смыслу моего письма, которое написал сразу после получения портфеля.

Вот почему, в перебор моему желанию посвятить тебя в секрет, я воздержался и сообщил о нем Его Величеству».

А. Ф. Орлов – П. Д. Киселеву

«Ты поступил наилучшим образом, открыв тайну прежде всего Императору, ибо вот первое, что он мне сказал:

– Вероятно, Киселев с вами уже говорил... На что я отвечал, что нет».

Что было сказано на даче с глазу на глаз? Орлов мог пояснить:

– Я вовсе не утверждаю, что Софья Станиславовна сама послала эту сумму. Но ты же сам говоришь, что на другой день она к тебе заходила, бросила взгляд на портфель, ничего о нем не спросила. Не затем ли она приходила, чтоб убедиться, что ты портфель получил? Поскольку вы с ней в разъезде, то возможно, что у нее есть друг, который по ее просьбе...

Вряд ли Орлов высказывал свою личную догадку. Трудно не заметить явное уклонение Орлова от исследования корней происшествия. Не было ли им получено указание – особенно

не усердствовать, не поднимать лишнего шума? Уж больно неприглядная история. И очень может статься, что в ней замешан слуга, приближенный к престолу.

Если Киселеву приходили в голову подобные хитроумные рассуждения, сей опытный царедворец тем паче должен был потрафлять расчетам императора и «думать на неизвестного», на друга жены.

А кроме того...

Образец руки

А кроме того, Киселев и сам размышлял в том же направлении.

По слогу судя – не рука ли писателя? Чем иначе объяснить, что похититель написал – да еще по-французски – такое архисложное письмо?

А что, если Вяземский? Его не поймешь. Иной раз довольно приятный человек. Чаще язвительный, злоязычный. Временами впадает в тяжкую меланхолию.

Известный поклонник польских красавиц. За женой Киселева, с которой он, Киселев, давно находится в разъезде, Вяземский приволакивался, еще когда она была Софьей Потоцкой. Служил в Варшаве, знал все городские новости, вертелся там под рукой Александра I, не то составлял, не то переводил царские речи.

И, как на грех, у Киселева при себе ни одной бумаги, писанной пером Вяземского. Надо будет не сразу, чтоб не насторожился, найти повод, написать письмо, по ответу сравнить почерк.

Киселев выжидал более года, никакой путный предлог не подвернулся, написал довольно неуклюже: нет ли у вас такой-то книжки, каковая спешно, и прочее.

Вяземский, разумеется, удивился, на конверте сделал пометку: более десяти лет «у него не был. До того времени мы с юношества были дружны с Киселевым и на ты». Памятуя, что жизнь есть война всех против всех, Вяземский счел за благо обойтись без письменного ответа.

И тем невольно прибавил к числу улик уклончивое поведение...

Что можно сказать в защиту Вяземского?

У него никогда не было денег?

Довод не решающий, даже вовсе не довод.

Потому и похитил. И там же, в Варшаве, всю сумму сразу положил в банк. Потом опасался, остерегался, не прикасался. Наконец памятливым Вронченко докопал...

Вяземский. Тогда возникает положение двусмысленное.

Нельзя принимать деньги от поклонника жены, хотя бы и бывшей.

После всего сказанного не будем удивляться действиям Киселева. Всю сумму снова положил в банк, а именно в Опекунский совет, с тем, что по завещанию вклад достанется его, Киселева, воспитанникам, то есть внебрачным детям.

А при жизни Киселева вклад имеет право взять обратно тот, кто объявит и докажет, что это он доставил приношение Киселеву, иначе говоря, что он и есть похититель.

Многое можно вменить в вину Вяземскому. Вот весьма подозрительный факт: Вяземский прекрасно владеет французским языком. А его приятельницей действительно была Софья Станиславовна Киселева.

Но не будем втягиваться в беспредметный спор. Интерес к Вяземскому отпадет, как только мы предъявим его несокрушимое алиби по главному злодеянию.

Когда Вяземский служил в Варшаве, там еще не появлялся для встречи с царем Киселев.

Когда Киселев туда приезжал на прием к царю, там уже не было Вяземского.

Затем, после удаления из Варшавы, Вяземский многие годы оставался не у дел.

Наконец, если б была возможность определенно связать «странное приношение» с Вяземским, Николай в 1846 году немедленно удалил бы его из состава совета Министерства финансов да и вообще из министерства. Однако два года спустя памятливым на малейшие прегрешения император вручает Вяземскому орден Станислава I степени.

Стало быть, надо искать далее. Не один Вяземский в состоянии написать безупречное французское письмо.

Казалось бы, следовало взять под подозрение генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышева.

Отменно, как, впрочем, многие из числа бывавших в Париже, он знал французский язык.

Не раз сопровождал императора Александра в поездках на конгрессы и по России. В Таганроге 19 ноября 1825 года акт о кончине императора подписали кроме духовных лиц и лекарей П. М. Волконский, И. И. Дибич, Н. М. Лонгинов, А. И. Чернышев.

Чернышев не отличался разборчивостью в средствах достижения целей. Известно, что в 1808 году он прибыл в штаб-квартиру Наполеона в качестве посланца русского царя. Поручение было дано ему с умыслом именно потому, что двадцатидвухлетний Чернышев не имел в то время решительно никаких высоких званий. Однако коммюнике штаба Наполеона громогласно сообщило о прибытии «полковника, флигель-адъютанта, графа Чернышева».

Император Александр был возмущен утроенным самозванством. Но затем сменил гнев на милость. Чтоб прикрыть самовозвышение, Чернышеву присвоили чин полковника, а затем и звание флигель-адъютанта.

Осуществилось, хотя и не скоро, третье желание. В 1826 году по окончании процесса декабристов Чернышев был возведен в графское достоинство «за неусыпные труды, понесенные им при открытии злоумышленников и произведение о них исследования».

Располагал ли Чернышев в 1846 году необходимой крупной суммой денег? О да, без сомнения.

Наконец, Чернышев имел все основания заявить Киселеву: «Я был вашим врагом, господин граф».

Но вот что не сходится: по части чинов, должностей, титулов, наград Чернышев все время опережал Киселева, и, значит, завидовать «блистательной карьере» не было видимых причин.

Что же касается вражды – она не исчезла. Киселев, при поддержке Воронцова, а также великой княгини Елены Павловны, искал пути к смягчению крепостного права. Чернышев оставался поборником полнейшей косности.

Во втором томе юбилейного сборника «Великая реформа» (М., 1911) читаем: «За Киселевым, за каждым его шагом в деле устройства быта государственных крестьян, деятельно следили все те, кто в существовании крепостного права видел один из устоев государства. Эти люди каждый шаг Киселева встречали яростными нападками».

В 1846 году оба представителя противоборствующих сил занимали министерские посты, но Чернышев опять-таки стоял выше, ибо Военное министерство было важнее, чем Министерство государственных имуществ.

Надменный военный министр тем, кого считал стоящим ниже по служебной иерархии, руки не подавал. Взамен того ограничивался еле заметным кивком головы.

После сказанного обновим в памяти безымянное письмо. Разве не чувствуется, что автор более не стремится кого-то обогнать, над кем-то возвышаться? И разве не сквозит в строках письма привычка отбивать поклоны?

Не слишком ли многое не совпадает с обликом Александра Ивановича Чернышева?

«Гром вечных стрел»

В ходе нашего поиска хотелось бы постоянно сверяться с мнением Александра Пушкина. Разумеется, не удастся привлечь прямые пушкинские оценки для любой и каждой подвернувшейся нам под руку фигуры. Но иные пробелы может восполнить знание пушкинских *правил*.

Попутная справка: в «Словаре языка Пушкина» слово «принципы» и множество других для нас привычных иностранных терминов не встречаются совсем.

Сейчас, когда подобные слова уже не ощущаются как нечто чужеродное, мы вправе их применить и сказать, что Пушкин был человеком принципиальным.

Однако сам Пушкин эту мысль выразил бы иначе. Он говорил: *«Держись своих правил»*.

Попробуем приглядеться к некоторым правилам творческого поведения поэта.

В конце 1826 года, как мы уже упоминали, Пушкин помирился с Толстым-Американцем. Помирился, ибо, размышляя о том, кто был его истинный враг, рассудил иначе.

Как поступал Пушкин в подобных положениях? Послушаем мнение князя П. А. Вяземского, изложенное им подробно, записанное дважды:

«...При всем добросердечии своем, он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и влечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим.

Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивайся с ним, волею или неволею. Для подмоги памяти своей... он вел письменный счет своим должникам, настоящим или предполагаемым; он выжидал только случая, когда удобнее взыскать недоимку...

Но поспешим добросовестно оговориться... Если Пушкин и был злопамятен, то разве мимоходом и беглым почерком пера напишет он эпиграмму, внесет кого-нибудь в свой “Евгений Онегин” или в послание, и дело кончено. Его point d’honneur, его затея чести получила свою сатисфакцию, и довольно».

Через год, в 1876 году, Вяземский то же самое изложил еще раз, намного короче и чуть отчетливей:

«Пушкин в жизни обыкновенной, ежедневной, в сношениях житейских был непомерно добросердечен и простосердечен. Но умом, при некоторых обстоятельствах, бывал он злопамятен... Он, так сказать, строго держал в памяти своей бухгалтерскую книгу, в которую вносил он имена должников своих и долги, которые считал за ними.

В помощь памяти своей он даже существенно и материально записывал имена этих должников на лоскутках бумаги, которые я сам видал у него. Это его тешило.

Рано или поздно... взыскивал он долг, и взыскивал с лихвою. В сочинениях его найдешь много следов и свидетельств подобных взысканий. Царапины, нанесенные ему с умыслом или без умысла, не скоро заживали у него».

Нам кажется, что Вяземский, рассказывая о постоянстве пушкинского поведения, не все договаривал. Неотступная борьба не сводилась к обмену легкими царапинами, не сводилась к защите личного достоинства. Это была деятельность не чисто литературная, а литературно-политическая.

Пушкин взял себе за правило отвечать уколом на укол и ударом на удар. Рассчитываться непременно, но необязательно сразу, а выбирая подходящий момент.

Дождавшись удобного случая, публично заклеить, отхлестать, возместить сторицею.

Чтоб провести эпиграмму в печать, ее следовало слегка замаскировать или вставить в какое-то другое произведение. Достичь цели нередко можно было только окольным путем. Напрямую, в чистом виде, многие эпиграммы заведомо не имели надежды попасть на печатные страницы. Ибо не полагалось пропускать в печать личные нападки, или, как их тогда именовали, «личности».

Ах так, нападки, «личности»?! Не признаем ли мы тем самым, что у поэта был неуживчивый характер? И он из раздражения, из легкомыслия, ради красного словца неосмотрительно задевал важных лиц?

Так, да не так. Взаимная «личная неприязнь» «друзей просвещения» и «невежд» была формой борьбы направлений, формой политической борьбы. Пушкинские эпиграммы были предельно свободным проявлением общественного самосознания, или, по его выражению, «самостоянья человека».

Пушкинские шутки – взрывчатые, они били по сословной спеси, по предрассудкам, по устоям.

Пушкин многое предвидел. Он был убежден, что его лучшим эпиграммам суждено оставаться несмываемым клеймом, которое сохранится в памяти потомства.

Необходимо письменное подтверждение? Что ж, извлечем его из вступления к первой главе «Онегина». Позднее, в 1835-м, вступление было отделено автором от романа в стихах и включено в собрание стихотворений.

Значит, сказанное во вступлении позволительно отнести не только к «Онегину», а и ко всему творчеству поэта.

И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает... –

так говорит Книгопродавец Поэту.

Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальнем поражает,
Героев утешает он...

«Гром вечных стрел», свои важнейшие эпиграммы, Пушкин подумывал свести воедино. От замысла остались объединяющие строки:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывной клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!

Кого готовился бичевать Пушкин? Не литераторов, не журналистов:

Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!

Но если так, то о ком идет речь?

*А вы, ребята подлецы, –
Вперед! Всю вашу сволочь буду*

Я мучить казнию стыда!
Но, если же кого забуду,
Прошу напомнить, господя!

Не вполне ясная строка «а вы, ребята подлецы», очевидно, подменная, рассчитанная на догадливость. Не следует ли разуместь нечто более определенное?

Один из позднейших мемуаристов высказал предположение, что причиной гибели поэта могли быть «эпиграммы на особ».

Не составляет труда угадать пропущенное слово. Вместо «на особ» следует читать «на высокопоставленных особ».

В конце марта 1837 года спешно возвращенный из отпуска нидерландский поверенный в делах Геверс отослал в Гаагу подробное донесение, посвященное кончине Пушкина.

Откуда Геверс извлек материалы? Возможно, ему помог вюртембергский посланник Гогенлоэ – текст их донесений местами совпадает. Гогенлоэ хорошо знал русскую поэзию, часто встречался с В. А. Жуковским. Имя Жуковского возникает еще и потому, что строки, несколько похожие на сообщение Геверса, имеются в письме Жуковского к Бенкендорфу:

«И какое дело правительству до эпиграммы на лица? Даже и для того, кто оскорблен такою эпиграммою, всего благоразумнее не узнавать себя в ней. Острота ума не есть государственное преступление».

Однако Жуковскому поневоле приходилось выражаться более сдержанно, чем писавшим с его слов дипломатам.

Восполним вынужденные умолчания Жуковского при посредстве выдержки из Геверса:

«Колкие и остроумные выпады, почти всегда направленные против высокопоставленных лиц, которые изобличались либо в казнокрадстве, либо в пороках, создали Пушкину многочисленных и могущественных врагов. Такова убийственная эпиграмма на Аракчеева по поводу девиза на гербе этого всесильного министра. Таков ответ Булгарину, где, защищаясь от упрека в аристократизме, Пушкин напал на влиятельнейшие дома России – вот истинные преступления Пушкина, преступления, усугубленные тем, что противники были сильнее и богаче его, были в родстве с знатнейшими фамилиями и окружены многочисленными приспешниками. Вот, повторяю, истинные причины той неприязни, которую питала к Пушкину в течение всей его жизни некоторая часть знати».

За взвешенными выводами дипломата кроются знания, кроются мнения, принадлежавшие друзьям Пушкина.

Стихи, которые Геверс обозначил как «Ответ Булгарину», ныне всем известны под названием «Моя родословная». Напомним наиболее дерзостные места.

Не торговал мой дед блинами

А чей предок торговал? Управляющего морским министерством князя А. С. Меншикова.

И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин.

Кто тут имеется в виду? Отец российского министра иностранных дел Карла Нессельроде.

У нас нова рождением знатность,

И чем новее, тем знатней.

Этот выпад против выскочек чувствительно задевал новопожалованного графа А. И. Чернышева. О нем говорили, что если бы не высокое счужебное положение, навряд ли он был бы принят хоть в одном приличном доме. Всему Петербургу было известно, что он лишь числился законнорожденным, а явился на свет от связи барыни с лакеем, да и не сразу после кончины супруга. Графский титул достался сыну лакея благодаря процессу декабристов, в частности за усердие в роли палача. Чернышев руководил экзекуцией, то есть процедурой лишения чинов, и самой казнью. Именно он, когда гнилые веревки оборвались, закричал, чтоб скорее повторили.

Член Южного общества декабристов Александр Поджио впоследствии вспоминал о Чернышеве:

«Один он его (следственное дело. – *А. Л.*) и вел, и направлял, и усложнял, и растягивал, насколько его скверной, злобной душе было угодно! Нет хитрости, нет коварства, нет самой утонченной подлости, прикрытой маскою то поддельного участия, то грозного усугубления участия, которых бы ни употреблял без устали этот непрерывный деятель для достижения своей цели. Начавши дело с самого Таганрога и ведя его сам лично, он знал, что только с нашей погибелью он и мог упрочить свою задуманную им будущность».

Портрет адъютанта

Продолжим розыск Искомого.

Я давно был настроен неприязненно по отношению к барону Александру Григорьевичу Строганову, 1795 года рождения. Человек злопамятный, мстительный. Злобный завистник. Закоренелый мракобес. Отъявленный крепостник.

По части продвижения в чинах и по службе долгое время сильно отставал от Киселева, потом подравнялся. Оба получили графское звание. Оба в чине генерал-лейтенанта. Правда, граф Киселев еще и министр. Но и бывший барон, ныне граф, уже побывал в министрах.

Человек невежественный, ограниченный, упрямый, самодовольный, вздорный в 1839 году стал министром внутренних дел Российской империи.

Ему нельзя было доверить и командования ротой – так отзывался в своих позднейших «Записках» известный историк Сергей Михайлович Соловьев, одно время бывший домашним наставником детей Строганова.

В 1845 году Строганов получил изрядное наследство. Примерно в это время, в 1846 году, старший сын Строганова уже пользовался благосклонностью любимой дочери Николая. Впоследствии она, Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская, вступила в тайный брак со «знаменитым Строгановым».

Не тут ли кроется причина нежелания царя Николая предавать на позор фамилию похитителя казенной дарственной суммы? Все вроде бы сошлось, но не хватает главного обстоятельства. Имел ли барон Строганов возможность что-либо присвоить? Входил ли он в состав свиты Александра I?

И «Русский биографический словарь», и энциклопедия Брокгауза его послужной список приводят начиная с 1831 года. Где служил, где находился с 1815 по 1830 год – оставалось неизвестным.

И вот какие сведения нашлись на страницах пушкиноведческого сборника, изданного в Одессе в 1925 году: адъютант начальника Главного штаба П. М. Волконского в августе 1821 года получил придворное звание флигель-адъютанта.

Необходимые признаки совпали.

Генерал от артиллерии А. Г. Строганов пережил свое поколение, похоронил всех своих детей и доживал свой долгий век в Одессе, где, подобно Воронцову, многие годы был генерал-губернатором. Почетный председатель одесского Общества истории и древностей совершил поступок, который выглядит непонятным. Он приказал все свои бумаги, весь архив уложить в деревянные ящики. Семь или восемь дубовых ящиков на нескольких подводах были доставлены на пристань, погружены на пароход.

В числе зрителей был гимназист, впоследствии актер МХАТа Леонидов. Полвека спустя народный артист СССР описал эту сцену в своих воспоминаниях.

Ящики были погружены на корабль Черноморского военного флота. (По другим воспоминаниям – не ящики, а мешки. И не на военное судно, а на коммерческое, общества РОПиТ.) Так или иначе, бумаги были отвезены на середину Черного моря и сброшены в пучину вод.

Какие-то стороны своей жизни граф Строганов не пожелал сделать достоянием будущих биографов.

В XIX веке об Александре Строганове ходили разноречивые слухи. Не были ли его постоянным оружием старинные медленно действующие итальянские яды?

В 1842 году А. Г. Строганов с треском слетел с поста министра внутренних дел и отправился в Париж. Что он там делал?

Посещал лекции... по анатомии. Экс-министр прилежно рассматривал в анатомичке трупы. Не вполне обычное увлечение для человека, который к медицине отношения не имел и чей возраст приближался к пятидесяти годам.

Одно дело – слухи, другое дело – юридически доказанный факт. Но достаточно было одних слухов, чтоб со Строгановым не связываться, на него не намекать.

Свадьба состоялась в сентябре 1820 года. Жениха звали Александр Григорьевич Строганов. Невесту – Наталия Викторовна Кочубей.

Та самая, которая была предметом юношеского поклонения Александра Пушкина. Та самая, которая – так рассказывал Плетнев – послужила для последней главы «Онегина» прообразом Татьяны, замужней светской дамы.

В последние годы жизни Пушкина встречала его в доме Карамзиных. После гибели поэта с большим жаром говорила у Карамзиных в его защиту.

А. Г. Строганов числился единокровным братом ненавидевшей Пушкина Идалии Полетики.

Как относился к Пушкину? Враждебно. Например, после поединка «ездил в дом раненого Пушкина, но увидел там такие разбойнические лица и такую сволочь, что предупредил отца своего не ездить туда».

Чего ж сам-то поехал? Родственный долг. Наталья Николаевна приходилась ему кузиной, а точнее – троюродной сестрой.

Прошло лет пятьдесят, настали времена, можно сказать, недавние – менее ста лет назад.

Депутация от общественных сил города Одессы наносила визиты влиятельным лицам с целью сбора средств на памятник Пушкину.

Граф А. Г. Строганов не кивнул головою, не произнес ни слова и принял позу человека, желающего узнать, зачем к нему пожаловали.

Посетители объяснились. В ответ раздался громкий, резкий, обрывистый, повелительный голос:

– Я кинжальщикам памятников не ставлю! Я до этого еще не дошел!.. Вы читали это гениальное его произведение? Не читали, так прочтите... Памятник?! Но, спрашиваю я вас, что же полиция смотрит?.. Что она делает? Что же это такое, Пушкину – памятник?! А?.. Подписка! И кому? Нет, я не могу допустить подобного образа действий. Нужно сообщить полиции.

Депутаты пробовали объяснить, что все делается с ведома и одобрения властей.

– Ничего... Я в подписке на памятник кинжальщику участвовать не могу.

Депутация удалилась в полнейшем недоумении: что за причина такого взгляда графа Строганова на Пушкина? Чем Пушкин так его против себя вооружил?

Здесь что-то скрывается, но что именно?

У кого ни спрашивали – никто не дал ясного и точного объяснения. Одни лишь предположения чисто личного характера.

Участник депутации М. Шимановский в 1894 году изложил эту сцену на семи страницах в сборнике «Из прошлого Одессы» и в заключение выразил надежду, что со временем историки «придадут надлежащее значение сообщаемому мною факту и должным образом его оценят».

Злодеи и лакеи

Уже были завершены «Годунов» и первые шесть глав «Онегина». Новая пушкинская поэма создавалась с апреля по ноябрь 1828-го и вышла в свет в конце марта 1829 года.

Есть ли там, в «Полтаве», что-либо подходящее «под расчет»?

Прямо-таки глаза разбегаются.

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь на груди своей.

В черновиках «Полтавы» не сразу появилось имя Мария. Сначала героиню поэмы Пушкин называл... *Наталья*.

Немало современников поэта, ничего не ведая о черновиках, уверенно читали эти строки со вторым значением. На место Марии, дочери Кочубея, они подставляли Наталью. Так звали дочь министра внутренних дел, затем председателя комитета министров Виктора Павловича Кочубея.

На место змия, Мазепы, попал муж Натальи Викторовны барон Александр Строганов. Для того чтоб при чтении заменять «старик» на «барон», не требовалось никакого поэтического мастерства. Получалась жесточайшая эпиграмма, сатирический портрет.

Часть читателей была немало смущена, даже озадачена. В поэме им чудились какая-то неловкость, необдуманность, чуть ли не нарушение приличий. Можно ли на страницах истинно поэтических хулить удачливого жениха лишь за то, что ему, а не кому-то другому отдала свою руку та или иная девица?

Что же Пушкин? Просчитался, переборщил, не предвидел «проницательного» восприятия?

Ничуть не бывало. Именно на «проницательность» умов поверхностных он и рассчитывал.

А. Г. Строганов, по своему великому самомнению и слабому разумению, вполне был способен принять все на свой счет.

Да, Строганов женился на Наталье Кочубей, или, как ее называли иначе, на Наталье Кагульской.

Да, в «Полтаве» Мазепа женится на дочери Кочубея.

Александра Строганова можно представить злодеем и даже убийцей.

Но можно ли его представить умным человеком? Или, более того, расчетливым, ловким интриганом? Можно ли предположить, что на Строганове сошлись концы поисков?

Похоже, что налицо совпадение, не более чем совпадение, сильный ложный след.

Конечно, странно, что после выхода в свет четырех томов биографического труда о Киселеве, где по-французски, без перевода, было напечатано занимающее нас безымянное письмо, Строганов поступил как преступник, заматающий следы. Конечно, подозрительно, что караван с архивом канул на морское дно.

Возможно, что Строганов знал: есть причины его в чем-то подозревать. Но, достигши возраста свыше девяноста лет, он не все разумел ясно. Когда-то кого-то обобрал, а кого — уже и сам толком не помнил. А покаянного письма не писал. В деле Киселева Строганов, повторим, не Искомый, только заместитель.

А как насчет «Полтавы»?

Опять-таки не Строганов был истинной мишенью. Он служил лишь чучелом, предлогом, ложным адресом, необходимым прикрытием. Смелое выступление Пушкина иначе было бы слишком дерзким.

Характеристика, данная Пушкиным ловкому, хитрому, умному, криводушному Мазепе, не подходит к Строганову. Мазепа куда сложнее. Пусть Александр Строганов злодей, но иного сорта – ума недалекого, поведения взбалмошного.

Через Мазепу Пушкин бил якобы по Строганову, а на деле по кому-то еще. Для Пушкина, как и для Киселева, Строганов – не Искомый, только заместитель.

Кто же истинная мишень? Аракчеев?

Да, конечно. Как мы уже упоминали, именно его современники называли «Змий».

Н. М. Карамзин, автор откровенно резкой записки «О древней и новой России», с удивлением рассказывал: Аракчеев, беседуя с ним, выступал на стороне недовольных! (Видимо, старался попасть в тон собеседнику...)

Но памятный для Карамзина разговор происходил давно. А во время создания «Полтавы», в 1828 году, Аракчеев был фигурой, сошедшей с арены, именем, ушедшим в прошлое.

Меж тем за фасадом прошлого в поэме проступало настоящее.

Не для всех, для тех, кто умеет понимать с полуслова.

Характеристика злодея в поэме далеко выходит за рамки эпитафии. Это развернутое обличение, жанр, который тогда именовался ода-инвектива, обличительная ода.

Как обычно у Пушкина, в первоначальных набросках резче проступала «портретность». Затем наиболее узнаваемые приметы убирались, правка продвигалась от частных подробностей к явлению, от случая к сущности.

Вот почему в черновых вариантах яснее проступают черты хладного и лукавого честолюбца. И вот почему ради большей наглядности в части строк – они выделены – мы будем цитировать не последнее, а начальное начертание оды-инвективы.

Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,

Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С смиренным шутит и поет...
Немногим между тем известно,
Что гнев его неукротим,
Что мстить и честно и бесчестно
Готов он недругам своим;
Что он и мелочной обиды
С тех пор как жив не забывал,
Что далеко надменны виды
Честолюбиво простирал;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благодетели,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

На поэму отозвался заключенный в Динабургской крепости лицейский друг, поэт, декабрист Вильгельм Кюхельбекер. Он понял, оценил и по мере возможности сказал в отосланном из заключения письме, что «Полтава» есть поступок – политический, гражданский, справедливый:

«Престранное дело письма: хочется тьму сказать, а не скажешь ничего. – Главное дело вот в чем: что я тебя не только люблю, как всегда любил; но за твою “Полтаву” уважаю, сколько только можно уважать... Вокруг тебя люди, понимающие тебя... так же хорошо, как я – язык китайский. Но я уверен, что ты презираешь их глупое удивление наравне с их бранью, хотя они и делают у нас хорошую и дурную погоду».

А что писал о «Полтаве» «делающий погоду» Булгарин?

В своем критическом разборе он утверждал, что в поэме нет исторической достоверности, и через каждый столбец восклицал: «Читатель не может этому верить!», «Этому верить не можем и не будем».

Неприятие поэмы Булгариным лишний раз доказывало, что Пушкин достиг своей цели.

Какие бури бушевали в душе поэта?

Во имя павших, во имя заточенных друзей, товарищей и братьев он совершил расчет, осуществил возмездие. Главного следователя, главного обвинителя декабристов, да еще и палача – вот кого он заклеил в обличительной оде.

Во время работы поэта над поэмой А. И. Чернышев уже носил графский титул и состоял председателем комитета по донскому казачеству. Поочередно устранив при помощи интриг двух казачьих атаманов, фактически исполнял обязанности атамана, иначе говоря, занимал положение, равнозначное упраздненному званию гетмана.

Поэма первоначально так и была названа – «Мазепа». Но слишком много чести назвать поэму именем, заслуживающим позора⁵.

⁵ Догадки Лациса о том, кто имелся в виду в этой обличительной «оде» под образом Мазепы, имеют право на существование, но об истинном содержании поэмы «Полтава» и пушкинском отношении к Мазепе как историческому лицу сегодня следует судить по соответствующим главам упомянутых книг «Прогулки с Евгением Онегиным» или «Кто написал „Евгения Онегина“».

Были у эпохи гении. Гении – те, кто опережает свое время.

Были у эпохи злодеи. Злодеи – те, кто стремится обречь эпоху на неподвижность.

А еще были у эпохи лакеи. Лакеи чванятся перед каждым гением и угодничают перед каждым злодеем.

Один из главных лакеев, главных сплетников того времени писал по-французски письма, наполненные злословием.

Мир тесен. В письме, написанном в октябре 1820 года, речь велась как раз о молодой чете, о Наталье Кочубей и Александре Строганове:

«По городу ходят весьма худые слухи о том, что молодой барон С, женатый на графине К., столь дурно обращается со своей супругой, что они уже близки к разъезду. Откровенно говоря, я, не будучи в домашних сношениях ни с кем из них, ничем не могу подкрепить сии слухи, но я с прискорбием полагаю, что в данном случае они заслуживают доверия, благо об этом говорят все...»

Почему автор письма, ровно ничего не зная толком, посылает спешное сообщение в Лондон графу Семену Романовичу Воронцову? Дабы потрафить, дабы угодить. Известие приятное, оно утешительное. По той причине, что двумя годами ранее сговаривали Наталью Кочубей с сыном Семена Романовича.

Михаил Семенович Воронцов командовал корпусом русских войск, находившихся во Франции. Наталью Кочубей для того и привозили в Париж, чтоб она познакомилась с предполагаемым женихом. Был изготовлен ее портрет, отослан в Англию, произвел благоприятное впечатление на старика отца, Семена Романовича. После всех приуготовлений, к огорчению старшего Воронцова, свадьба почему-то не сладилась.

Не отсоветовал ли адъютант генерала Воронцова, его наперсник, Александр Раевский?

Это он присватал другую графиню, Елизавету Ксаверьевну Браницкую. А графиня Элиза с детских лет питала нежные чувства к своему родственнику, к Александру Раевскому. Он оценил их вполне лишь тогда, когда она вступила в законный брак с генералом Воронцовым.

Ну а что было бы, если женой Воронцова оказалась бы не Елизавета, а Наталья, давняя юношеская любовь Пушкина? Исчезла бы одна из отправных точек для сюжета «Евгения Онегина». Иначе сложился бы одесский период жизни поэта. Другая биография, другая судьба, другое творчество...

Чаепитие

Напоминаем условия задачи. Безмолвный вестник доставил портфель с крупной суммой денег. Чтоб узнать, кто был владельцем портфеля, желательно найти совпадение многих признаков. Тот, кого мы ищем,

- а) сопровождал императора Александра, возможно, что был на побегушках,
- б) впоследствии достиг видного положения,
- в) был жив в 1846 году,
- г) до того времени не писал собственноручных писем Киселеву,
- д) свободно изъяснялся по-французски,
- е) питал склонность к угодливости и к злословию.

Впрочем, пункт четвертый – не обязательный. Почерк – вещь зыбкая. Всегда может оказаться, что кто-то взял да и подделал руку. Скопировал буква в букву, не приняв во внимание, что почерк не в состоянии оставаться неизменным на протяжении двух десятков лет.

А если сходства маловато? Тоже не довод: могла жена переписать, или брат, или сын...

Что еще имеется в запасе? Изустное предание. Был у меня однажды разговор во время чаепития в перерыве между двумя игранными в гостях шахматными партиями. Мне было сказано, что разгадка давно известна... Я, конечно, сразу спросил у хозяина дома:

- А вы-то откуда знаете?
- От доктора исторических наук...
- А он от кого?
- От профессора, у которого учился.

Подобные цепочки устных передач бытуют чаще всего в кругах работников музеев. Своего рода семейные предания. Нечто более достоверное, чем безымянные слухи, но куда менее надежное, чем твердый факт...

По причине чаепития пришлось заняться версией, которая мне в голову не приходила.

В апреле 1812 года некий хронический сплетник был взят в секретари к супруге Александра I государыне Елисавете Алексеевне. Как рассказывает Вигель, сей сын сельского дьячка «начал поприще свое в Лондонской сперва духовной, потом светской миссии». Служил под началом русского посла графа Семена Романовича Воронцова. Им был откомендован, ему обязан возвышением.

Исполненный признательности секретарь императрицы отсылал своему покровителю в Лондон пространные сообщения, большей частью написанные по-французски. При этом он, Николай Михайлович Лонгинов, нередко перемешивал истинные события и слухи.

«За тайну здесь говорят, что Императрица беременна. Я ничего еще не мог примечать; но желаю того от всего сердца и души». (21.IX.1812)

«Слухи, ходившие по поводу беременности Императрицы, оказались совершенно ложными, к великому общему огорчению. О сем сожалеют, но еще не отчаиваются...» (31.1.1813)

«Ваше сиятельство оказали мне честь, заговорив однажды о женитьбе графа Михаила; никто не желает сего более, чем я.... Это побуждает меня говорить с вашим сиятельством доверительно. Здесь есть две невесты, коих я не знаю лично, но про них все отзываются весьма хорошо. С красою оне соединяют примерные нравы и поведение....Говоря не беспристрастно, я желал бы его женитьбы на графине Орловой, которую знаю достаточно. Далеко не будучи красавицей, она мила и сочетает большой ум с отменным благонаравием. Я желал бы этого брака единственно по той причине, что никто лучше графа Михаила не сумеет распорядиться столь огромным состоянием». (3.XI.1813)

Сей усердный «воронцовист» – это словечко мы извлекаем из «Записок» Вигеля – оставался таковым и во все последующие годы.

Весной 1824 года Михаил Семенович Воронцов написал несколько писем министру графу Нессельроде. Воронцов настаивал, чтоб от него, из Одессы, удалили поэта Пушкина, числящегося по Министерству иностранных дел. Представления, сделанные по линии служебной, Воронцов счел нужным подкрепить посредством писем частных. Возможно, что Воронцов рассчитывал, так сказать, подготовить общественное мнение и склонить его на свою сторону. Известно письмо такого рода от Воронцова П. Д. Киселеву. Оно сохранилось в архиве Киселева, в той его части, которая находится в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский Дом).

Там же, в Пушкинском Доме, очутился и архив Лонгиновых. В 1929 году в книге старшего ученого хранителя Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского были впервые напечатаны выдержки из писем М. С. Воронцова Н. М. Лонгинову из этого архива.

Читаем письмо от 4 мая 1824 года из Одессы в Петербург от Воронцова к Лонгинову:

«Об эпиграмме, о которой вы пишете, в Одессе никто не знает, и может быть, Пушкин ее не сочинял; впрочем, нужно, чтоб его от нас взяли, и я о том еще Несселроду повторил».

Если письмо Воронцова было прочтено публикатором правильно, получается, что о пушкинской эпиграмме первым поспешил уведомить Воронцова все тот же Николай Михайлович Лонгинов.

В 1825 году Н. М. Лонгинов находился при императоре Александре в Таганроге. Как, впрочем, и А. Г. Строганов, А. И. Чернышев, П. М. Волконский, И. И. Дибич.

При Николае I статс-секретарь Лонгинов попал на хлебное место – в комиссию по приему прошений. Туда передавались для предварительного рассмотрения все обращения на высочайшее имя.

30 января 1827 года докладчик от комиссии, опять-таки Лонгинов, представил царю заключение касательно просьбы, поданной Надеждой Осиповной Пушкиной. Мать поэта хлопотала о том, чтоб сыну было даровано прощение и чтоб ему было дозволено жительство в столице совместно с родными.

На полях письменного доклада комиссии – помета, сделанная рукой Лонгинова: *«Высочайшего соизволения не последовало».*

Надо пояснить, что прошение матери было передано в комиссию давно, еще в августе 1826 года. В начале сентября 1826 года, в Москве, при личном свидании царя и поэта, «прошение» уже было объявлено. Не удивительно, если царь Николай, не вникая в даты, произнес что-нибудь вроде «какое еще прощение надобно?». А докладчик, следуя своим воронцовским пристрастиям, охотно принял недоуменное замечание за решительный отказ.

Затем Лонгинов управлял ведомством императрицы Марии Федоровны, то есть ведал делами благотворительными. В 1846 году – действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета.

Ему, возможному автору покаянного французского письма к Киселеву, в том году исполнилось шестьдесят семь...

Мы набрали на неустанного любителя злословия. Не его ли Пушкин пронзил вставленной в VIII главу «Онегина» эпиграммой?

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души...

Мы уже ссылались на свидетельство Вяземского о том, что зарубки для памяти Пушкин оставлял в местах неожиданных, вплоть до «Онегина». Впрочем, нетрудно отыскать в письмах самого Пушкина собственноручные предупреждения и уведомления:

«Неужели Вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, Вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю главу «Онегина?»» (Из письма к Великопольскому, март 1828.)

Не случайно Вяземский выражался весьма осторожно: Пушкин вел «счет своим должникам настоящим или *предполагаемым*», тем, «кто был в долгу у него или *кого почитал* он, что в долгу».

Вслед за Вяземским не будем и мы утверждать, что Пушкин ни разу не ошибся, когда стремился угадать тайного недоброжелателя.

Бумажки с фамилиями «должников» Пушкин складывал в особую вазу, своего рода долговую яму, где «должники» возлежали по году и даже по нескольку лет.

Неукоснительное «правило вазы» предвещало неизбежность сатирического возмездия. Ваза не пустовала, бумажки с именами теснились, ожидая свой черед.

Домашняя драма

Похоже, что Лонгинов основательно запомнил последние строки той пушкинской эпиграммы, о которой он извещал Воронцова.

Думаете, «полуподлец»? Нет, другая эпиграмма – «Сказали раз царю...» Предполагаю, что она сочинена годом ранее той, более известной.

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

Лонгинов старательно «сохранял осанку». Он был вежлив, уклончив, витиеват.

Взросли его капиталы. Он уже не на побегушках. Проходящий службу в Петербурге новоиспеченный гвардейский офицер, двадцатилетний внук графа Семена Романовича Воронцова по наущению своего родителя является к сенатору Лонгинову с праздничным поздравлением.

Почтенный сенатор каждый раз провожает юного гостя до низу, до порога, и каждый раз приговаривает:

– Это не для вас, не подумайте, что я это делаю для вас. Это в память вашего деда и в уважение к вашему отцу.

Сын Лонгинова, Михаил Николаевич, видимо, остался в убеждении, что отец на чужое добро не зарился. Соответственно Лонгинов-младший не возлюбил писателя В. Ф. Одоевского: в одном из частных писем он обозвал творения князя «мутным колодцем».

И эту сыновнюю пристрастность можно расценить как косвенный отклик на пьесу «Хорошее жалованье», снабженную подзаголовком «Домашняя драма».

Опускаю подробный пересказ пьесы, поверьте на слово: Владимир Федорович Одоевский в «домашней драме» насыпал Николаю Михайловичу Лонгинову немало соли на хвост.

Особого внимания заслуживает действующее лицо по фамилии Сердоболин. Его волосы приглажены. В руках круглая табакерка, он часто нюхает, как бы украдкой. Послушаем его разговор с одним из персонажей:

«– Бывают такие случаи, что сильному человеку нужны деньги, а у просителя есть лишнее... Хотелось бы и взять... вообще с глазу на глаз – неприлично... неприятно потом встретиться с тем, у кого из рук прямо деньги взял...»

– Понимаю – так тут вы и являетесь посредником...

– Нет-с – просителем – у меня всегда в кармане есть просьба о вспоможении... а уж, знаете, тот, к кому придешь, уже понял, за чем; тут все дело решится дипломатически, то есть с полной откровенностью. «Такое-то дело – сколько?» – «Столько». – «Когда?» – «Тогда». Иногда и сам проситель не знает, кому он дал, – да ему и нужды нет, было бы дело сделано, а на то у меня есть списочки, по чем кто продается.

– И вам верят с обеих сторон?»

Так как Лонгинов кроме комиссии прошений ведал благотворительностью, то не мудрено, если в его карманах, в карманах *благотворителя*, как и в карманах *Сердоболина*, постоянно лежали «просьбы о вспоможении» какой-нибудь вдовицы.

Любопытно, что примерно такое же впечатление от деловой беседы с Лонгиновым возникло... у Натальи Николаевны Пушкиной, урожденной Гончаровой. По протекции своей тетушки Загряжской, она без ведома мужа (Пушкин был в отъезде) добилась приема у Лонги-

нова. Она искала поддержки по поводу одной из гончаровских тяжб, связанных с их бумажной фабрикой.

Лонгинов объяснил, что прошение залежалось, ибо чиновник, коему было поручено заниматься, долго болел, чуть не помер. Сам Лонгинов по просьбе Екатерины Ивановны Загряжской с делом ознакомился, хотя и бегло. А оно очень серьезное, чтоб его изучить, потребно не менее двух недель. По первому впечатлению он склонен принять сторону Гончаровых. Но не от него одного решение зависит, неизвестно, как посмотрят другие...

Наталья Николаевна в писанном по-французски письме к брату Дмитрию от 1 октября 1835 года пересказала свой визит и прибавила, что ей желательно знать, кто у Лонгинова правая рука («то есть лицо, занимающееся нашим делом»). И не надобно ли подмазать лапу («graisser la pape»).

«В этом случае надо действовать соответственно. Как только я узнаю это точно, я тебе дам знать».

Лонгинов приятно поговорил, ничего не сделал, а может, и не мог ничего сделать. И через месяц отослал прошение обратно.

Как будем решать насчет Лонгинова? Факты сходятся?

Нет, не факты сходятся, а предположения.

Лонгинов находился в свите императора в Таганроге осенью 1825 года. Но можно ли принимать к рассмотрению столь позднюю дату? Ведь тогда императору уже было известно, что Киселев – один из тех, на кого рассчитывают заговорщики. Неужели именно тогда возникла мысль о даровании денежной награды?

Кто такой Лонгинов? Сын сельского дьячка.

Откуда же в загадочном письме взялся тон напыщенный, упирающийся на благородное происхождение?

«Безымянное письмо обычно имеет мало права на доверие порядочных людей. Следовательно, еще менее, чем к кому-либо, мне пристало подобным образом обращаться к вам».

Если все-таки писал Лонгинов, то не слишком ли сильно сказано: «Я был вашим врагом, господин граф»?

«Врагом» – предполагает равенство. Прямое противостояние.

А Лонгинов? Он мог испытывать враждебные чувства, но не за себя лично, а, так сказать, вассально. Примерно в таком роде: государь, отличая Киселева, не умаляет ли тем самым достоинства Воронцова?

«Я воздал должное вашим высоким достоинствам...» Как и предыдущие, эта фраза предполагает не «взгляд снизу», а «голос сбоку», звучащий на равных.

Автор письма выглядит человеком горделивым. Скорее всего какой-то вельможа. Но неизвестно – из древнего рода или из тех, кто «корчит барина»?

Без гнева и пристрастия

Петр Владимирович Долгоруков одновременно – или почти одновременно – прожил три разных жизни Крупнейшего знатока генеалогии, составителя «Российской родословной книги» уважают, к его трудам постоянно обращаются. Зарубежные печатные выступления соратника Герцена, противомонархического публициста изредка цитируют.

А то, чего не было, а прилипшую напраслину – это знают все, это помнят все, и многие принимают за бесспорный, давно установленный факт. «Ну, как же! Ведь причастность князя Долгорукова к присланному Пушкину пасквильному диплому подтвердила графологическая экспертиза!»

Экспертиза была, но не одна. Последняя, ее выполнила С. А. Ципенюк, категорически отвергла утверждения предыдущего эксперта, усмотревшего сходство почерков П. В. Долгорукова и анонимных пасквильных писем. Интересующихся технологией экспертизы отсылаю к сборнику «Криминалистика и судебная медицина», выпуск двенадцатый (Киев, 1976).

Отложим графологию, займемся хронологией.

В марте 1860-го в Париже на французском языке выходит в свет «Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым».

В 1861-м тот же памфлет печатается на русском и на немецком.

В июне 1861-го Долгоруков заочно лишается княжеского титула, прав состояния и приговаривается к вечному изгнанию.

Дальше начинается травля.

В конце 1861 года парижский суд на основаниях весьма сомнительных объявляет Долгорукова виновным в попытке шантажировать М. С. Воронцова, умершего... пять лет назад!

В январе 1862-го Герцен откликается в «Колоколе»:

«До нас доходят крики радости русской аристократической сволочи, живущей в Париже, о том, что, натянувши всевозможные влияния, им удалось получить какое-то бессмысленное осуждение князя Долгорукова».

В феврале 1862-го Долгоруков печатает нашумевшее открытое письмо Александру II.

Ответный ход был сделан в январе 1863-го. В России появилась брошюра А. Аммосова. Неизвестно, являлся ли Аммосов подлинным автором. Возможно, что это подставная фигура либо псевдоним. Так или иначе, Аммосов впервые в печати через двадцать шесть лет после гибели Пушкина выдвигает обвинение: пасквильный диплом сочинял и распространял Долгоруков. Об этом якобы рассказал соучастник, другой эмигрант, князь И. С. Гагарин.

Гагарин прислал опровержение. О Пушкине он пишет с максимально возможной ясностью:

«Я высоко ценил его гениальный талант и никакой причины вражды к нему не имел».

Иначе говоря, ищите того, кто а) не ценил, б) имел «причину вражды».

Однако издатель «Русского архива» П. И. Бартенев позволил себе в одном из примечаний процитировать наветы Аммосова.

П. Долгоруков отсылает в Москву письмо М. П. Погодину:

«В 8-м и 11-м №№ Русского Архива подлец Петрушка Бартенев уверяет, что или я или Гагарин писали безымянное письмо Пушкину».

Ведь знает меня этот подлец, знает, что это вещь невозможная, но клеветает в угоду моим врагам.... Обвинение на Гагарина – также клевета».

С Гагариным подробно беседует Н. С. Лесков и приходит к твердому убеждению: Гагарин – безвинная жертва клеветы.

Двинув в печать версию о двух эмигрантах, власти нашли на кого свалить ответственность за гибель поэта, и свели счеты, не опасаясь несбыточной возможности обращения Долгорукова в суды Российской империи.

Между тем в 1874 году в одной из брошюр, изданных в Лейпциге, мелькнула здравая мысль:

«То, что подозрение в этих гнусностях открыто было высказано... в такое время, когда оба заподозренных жили в качестве политических изгнанников за границей, является обстоятельством, на которое нельзя не обратить внимания».

Почему же шитая гнилыми нитками версия по сию пору имеет хождение? Потому что наше сознание пустоты и неустойчивости не терпит. Нам куда удобнее самоуспокоенно твердить: «Скорее всего все-таки Долгоруков», – чем признавать, что истинный виновник не изобличен⁶.

Печатая в издаваемом им журнале «Веридик» убийственные характеристики членам Государственного совета, Долгоруков о Киселеве отозвался относительно благоприятно:

«Здесь он ярко выделялся своими заслугами среди большинства ничтожных людей, которыми было переполнено это учреждение, самое высшее в России... Очень трудно управлять страной, где во всех официальных сферах сверху и донизу идут кражи, а ложь процветает снизу доверху, в которой правосудие, когда оно не служит орудием гнета в руках правительства, продается тому, кто дороже платит. Бюрократы... считают воровство своим неотъемлемым правом, своей священной собственностью, защищают эту собственность с ожесточением и считают государственными преступниками всех тех, которые требуют нового порядка вещей».

Подобная борьба, борьба ожесточенная, ежедневная, представляла громадные трудности даже для одаренного величайшей энергией человека: но у графа Киселева этой энергии нет; она заменяется у него очень ясным и тонким умом.

...Этот деятель, который, несмотря на свое звание генерал-адъютанта Николая I, хотел и сумел дать конституцию дунайским провинциям, сохранит почетное имя в истории этих провинций, а также в истории своей собственной страны».

После освобождения от турецкого владычества двух княжеств – Молдавии и Валахии – Киселев на протяжении пяти лет, с 1829 по 1834 год, был там наместником и ввел конституцию, именованную «Органический регламент».

Реформы Киселева высоко оценил Пушкин. Перед тем как записать в дневнике от 3 июня 1834 года, что Киселев «может, самый замечательный из наших государственных людей», Пушкин упомянул о совместном обеде: «Много говорили об его правлении в Валахии».

Что же касается П. Долгорукова – давно пора отрешиться от пренебрежения, подкрепленного сенсационными, но несерьезными экспертизами почерка. Куда весомее тот факт, что В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» одобрительно приводит его прозорливые отзывы о земских учреждениях.

Вернемся к оценке, данной Долгоруковым Киселеву:

«И вот в продолжении 18-ти лет можно было наблюдать странную и любопытную картину: честный министр стоял во главе воровского министерства... Без конституционного

⁶ Сегодня, после третьего издания книги академика Н. Я. Петракова – теперь она вышла под названием «Пушкин целился в царя» (М.: Алгоритм, 2013) – непричастность Гагарина и Долгорукова к созданию и рассылке «пасквиля» можно считать установленной окончательно.

управления и свободы печати могут быть честные министры, но честное министерство быть не может. Он представлял собой странную смесь либерала и царедворца».

В последнем определении Долгоруков лишь перефразировал пушкинские стихи, которые тут же приводил. Строки поэта, написанные в 1819 году, наперед угадали, что в решительные минуты Киселев не возглавит революционные действия.

На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг Коварства и невежд...
...Но он придворный: обещаю
Ему не стоят ничего.

Мы умышленно опустили три строки, с тем чтобы представить их отдельно:

За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его...

А ведь было что послушать! И в 1819 году, и в 1834-м.

Позднее Пушкин кое-что пересказал своему другу и наставнику Александру Ивановичу Тургеневу. Вот запись в дневнике Тургенева, сделанная за двадцать дней до гибели поэта:

«Я зашел к Пушкину... Потом он был у меня, мы рассматривали французские бумаги и заболтались до 4-х часов. Ермолов, Орлов, Киселев всё знали и ожидали: без нас дело не обойдется».

Декабристы действительно рассчитывали на Киселева. В двенадцатом томе собрания документов «Восстание декабристов» на 174 странице из показаний А. В. Поджио выясняется, что в случае успеха переворота Киселева предполагалось назначить московским генерал-губернатором.

Еще раньше в собственноручной памятной заметке о тайных обществах (которую Александр I держал у себя в столе, не давая делу ход) были перечислены генералы Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, Дм. Столыпин.

Известный юрист и писатель А. Ф. Кони сказал о Киселеве:

«Павел Дмитриевич Киселев... по справедливости должен быть признан выдающимся во всех отношениях русским государственным человеком... Подобно воспетому Пушкиным Ганнибалу, он был “усерден, неподкупен, царю наперсник, а не раб”».

На строках Пушкина из «Моей родословной» мы намеревались завершить эту главу. Но требует внимания одна из современниц Киселева, одна из придворных дам.

«Генерал Киселев был исключительно умен, у него была обаятельная внешность и золотое сердце. Я была хорошо осведомлена об этой замечательной семье. Я знала от Пушкина, что у него был брат, по имени Сергей, который был женат на хорошенькой барышне из Москвы, по фамилии Ушакова».

Так рассказывала Александра Осиповна Смирнова, она же девица Сашенька Россет, она же фрейлина по прозвищу Черненька.

Ей, Александре Смирновой, Софья Станиславовна Киселева, урожденная Потоцкая, говорила о своем бывшем супруге, что Павел Дмитриевич Киселев – «человек высоких нравственных качеств».

После Крымской войны и воцарения Александра II Павел Дмитриевич был назначен послом во Францию. Шесть лет находился в должности. Уйдя в отставку, продолжал жить в Париже. Там он и скончался в 1872 году на восемьдесят пятом году жизни.

Состояние унаследовали племянники, в том числе сын Елизаветы Ушаковой Николай Сергеевич Киселев. Другой племянник, Д. А. Милютин, которому был завещан личный архив, перевез бумаги в Петербург и предоставил Андрею Парфентьевичу Заблоцкому-Десятовскому возможность с ними знакомиться.

В результате многолетних прилежных разысканий явился в свет четырехтомный труд А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время».

На последней странице четвертого тома воспроизведено заглавременно написанное прощальное письмо:

*«Почтеннейший и много мною любимый Андрей Парфенович!
Собираясь в долгий путь, мне желательно было вам припомнить
о себе и просить о принятии картины... Да будет этот загробный подарок
воспоминанием о сослуживце, умевшем вас ценить, а потому любить
и уважать. Живите долго, а на досуге вспомните об отсутствующем
П. Киселеве.
Париж, июня 18(30) дня 1865».*

Далее в монографии следуют три слова: «Конец четвертаго тома». А на предыдущих страницах размещены документы по делу о безымянном денежном приношении.

Изложение «странного происшествия» Заблоцкий-Десятовский заключил весьма неопределенно:

*«Вопрос о том, кто и с какою целью сделал это приношение....для нас
остается не разрешенным».*

Почему биограф не решился назвать имя похитителя хотя бы предположительно?

Не потому ли, что приходилось считаться с тогдашним уложением о наказаниях? Особенная часть русского уголовного права содержала статью, карающую за разглашение сведений, пусть даже и отвечающих истине, но неудобных, порочащих чье-либо имя.

Можно было писать правду, только правду. Но всю правду запрещала статья закона, посвященная оскорблению чести.

Эти юридические тонкости были в числе обстоятельств, обрекающих на умолчания и недомолвки, на недогадливость и на «умышленное непрочтение».

За гранями поколений

Одной из примет, одной из косвенных улик может оказаться год рождения. Как правило, за гранями соседних поколений соперничество заметно теряет остроту. Впрочем, есть, пожалуй, исключение: ежели соперник моложе – еще сильнее свербит обида и злость. Больно прыток, того и гляди обскачет, надо бы остановить, пока не поздно.

И впрямь, Киселев младше, Лонгинов старше. Разница между ними целых девять лет.

Думаете, многовато? Что ж, памятуя, что Киселев родился в 1788 году, посмотрим, нет ли кого поближе.

Имеется лицо 1786 года рождения, подходящее и по многим иным признакам. Неоднократно принимался я за эту версию. И всякий раз отступался, не вникая в дальнейшие подробности. Мешало обстоятельство, исключаящую подобную возможность. Через полтора месяца после безымянного денежного приношения данное лицо было возведено Николаем в графское достоинство.

Принять во внимание очередного кандидата мешало кое-что еще.

Не видно, каким образом конверт с наградными деньгами мог попасть в его руки.

Нам с вами, да и Киселеву, этот деятель был известен как служивший по другому ведомству. Попечитель санкт-петербургского учебного округа, президент Академии наук, позднее, с 1834 по 1849 год, – министр народного просвещения.

Сергей Семенович Уваров, 1786 года рождения, письма и статьи писал на безупречном французском языке, стихи писал и по-немецки, русским литературным слогом владел менее уверенно.

Весьма желчно, пристрастно, отчасти сгустив краски, отзывался о нем историк С. М. Соловьев в своих записках:

«Уваров был человек бесспорно с блестящими дарованиями... но в этом человеке способности сердечные нисколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров не имел в себе ничего истинно аристократического: напротив, это был лакей, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце лакеем...»

Как видите, заметное сходство с предполагаемым обликом Искомого!

Приведя придуманную Уваровым трехчленную формулу основных начал – православие, самодержавие, народность, – Соловьев язвительно пояснял:

«...Православие – будучи безбожником, не веруя в Христа даже и по-протестантски: самодержавие – будучи либералом; народность – не прочтя в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки».

Соловьев рассказывал о Строганове – не об Александре, о его брате Сергее, попечителе Московского университета, – что Строганов «знал Уварова как он есть, презирал его как подлеца, грязного человека и по характеру своему не скрывал этого презренья».

Чуть мягче по тону, но столь же жестко по существу отзывался об Уварове сенатор К. И. Лебедев:

«Ни высокое положение, ни богатая женитьба на графине Разумовской, ни блестящая репутация в обществе не избавили его от мелких страстей любостыжания и зависти, которые были причиною нелюбви к нему сверстников, совместников и всего высшего круга».

Его женитьба была из ряда вон выходящим происшествием. Узнав, что Уваров внезапно очутился в крайне стесненных материальных обстоятельствах, перезрелая девица первая предложила руку, сердце и доходы. Невеста была старше жениха на шесть, а если верить Вигелю, на двенадцать лет. Вдобавок к свадебным подаркам двадцатичетырехлетний Ува-

ров вмиг получил от отца жены, в то время министра просвещения, должность попечителя санкт-петербургского учебного округа.

Кто и каким способом расстроил помолвку Пушкина с Анной Олениной? Не пугнул ли кто ее отца, А. Н. Оленина, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки? Мол, Пушкин не просто на дурном счету у правительства. Сейчас ведется очень серьезное следствие. Из-за кошунственной поэмы “«Гавриилиада”.

Цитируем еще раз стихи Пушкина:

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души...

В прозе, в одном из писем Вяземскому, А. И. Тургеневым сказано: «всех оподляющий Уваров».

В литературном обществе «Арзамас», да и в более поздние годы, отдельной кучкой держались три сановника – Блудов, Дашков, Уваров, – а также их прислужник Вигель. Позволительно предположить, что многие страницы известных «Записок» Вигеля написаны на основе черновиков его письменных реляций. В бытность на юге Вигель, по-видимому, писал нечто среднее между письмами и донесениями. Свои сообщения отсылал преимущественно Блудову, который угощал новостями Дашкова и Уварова. Вот каким образом Уваров мог еще в 1823 году прочесть примерно следующий пассаж:

«Киселев умел в Тульчине приобрести более власти, чем сам главнокомандующий Витгенштейн. Сие могущество пленило Ольгу, которая приехала погостить к сестре. Она недолго тут нагостила: Киселева застала ее в объятиях своего мужа, что наделало много шуму в Главной Квартире. Если сие скопление мерзостей дойдет до потомства, не знаю, поверит ли оно ему.

Ольга и в самой первой молодости казалась уже вооружена большой опытностью. Все было разочтено, и стрелы кокетства берегла она для поражения сильных».

Уваров был вполне способен рассказать Александру I: так, мол, и так, поведение Киселева вызывает нарекания; дабы малейшая тень не упала, государь, на ваши добрые дела, не лучше ли награждение отложить, и не останется повода для укоризны, что мы, дескать, поощряем греховное обольщение.

Предложение выглядит правдоподобно, но по-прежнему не видно, как в итоге подобного разговора конверт с деньгами мог очутиться в кармане президента Академии наук.

Казенные дрова

Спросить вроде бы не у кого, но на всякий случай заглянем в сочинения Александра Пушкина.

В журнале «Московский наблюдатель», вышедшем в конце декабря 1835 года, поэт напечатал сатирические стихи «На выздоровление Лукулла»:

... А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.
Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану няньчить ребятишек:
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность – трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Примерно 20 января 1836 года Пушкина вызвали к Бенкендорфу за получением «напряга». (Тогдашняя форма позднейшего словечка «нагоняй».) Разговор был примерно таким.

– Вот Уваров жалуется...

– А почему именно он жалуется? – отвечал Пушкин. – Ничье имя не названо. Тут в разумении может быть кто угодно. Скажите ему в ответ, что эти стихи про вас, Александр Христофорович!

– Ну, нет, я дров не крал! – рассмеялся Бенкендорф.

– Вот видите! Вы знаете, что это не про вас! Почему же Уваров знает, что это про него, да еще жалуется на клевету?

Разумеется, стихи действительно были памфлетом на Уварова. Несколькими месяцами ранее Пушкин занес в дневник:

«Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках... Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счета (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc, etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретил Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: “как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!”».

Эта запись полностью была напечатана только в 1911 году.

Если б ее успел при своей жизни прочесть Киселев, возможно, принял бы во внимание точное пушкинское сообщение: «...он у детей Канкрина был на посылках».

Мы уже мельком называли эту фамилию. Канкрин. Министр финансов.

Открываем «Список чинам, в гражданской службе состоящим, на 1824 год». Действительный статский советник Сергей Семенович Уваров продолжает возглавлять Академию

наук. Но в перечне его должностей эта – всего лишь на третьем месте. С середины 1822 по 1825 год он является директором одного из департаментов *министерства финансов*. А допреж всего он кто? Управляющий государственными заемным и коммерческим банками.

Вот почему 15 апреля 1824 года А. И. Тургенев писал из Петербурга П. А. Вяземскому, что Уваров «всех кормилиц у Канкриной знает и детям дает кашку».

Ходил и такой анекдот. Уваров до того часто навещался в детскую и справлялся о здоровье, что дети министра принимали его за лекаря и при его появлении сразу показывали ему язык.

Оставляя шутки, из сказанного выводим предположение: в Петербурге в апреле-мае 1824 года Уваров мог в качестве представителя Министерства финансов выполнять какие-то придворно-казначейские поручения.

Поскольку Уваров в бога не верил и был страшным скрягой, столь крупную сумму он был способен вернуть только по прямому приказу царя Николая.

Для большей наглядности условно набросаем хронологическую канву.

Пятница, 26 апреля 1846 года. Беседа Киселева с министром финансов Федором Павловичем Вронченко. Оформляется продление еще на двенадцать лет аренды, дарованной в 1836 году. Предполагаемый попутный разговор:

Вронченко. Все цари вас награждали...

Киселев. При Александре я ничего не получал.

Конец апреля – начало мая. Вронченко делает доклад Николаю. Николай беседует с Искомым.

Среда, 15 мая 1846 года, 10 часов вечера. Безмолвный вестник принес портфель, в коем безымянное письмо и «странное воздаяние».

Суббота, 8 июня. Киселев передал государю свое недоуменное обращение и приложил полученное им безымянное письмо.

Понедельник, 10 июня. Николай принял Киселева, сообщил о решении поручить исследование Орлову.

Среда, 12 июня. Шеф Третьего отделения Алексей Федорович Орлов посылает краткий ответ Киселеву.

Пятница, 14 июня. Киселев подробно отвечает Орлову.

Тот же день. Орлов сразу отвечает Киселеву.

Воскресенье, 16 июня. Киселев приезжает к Орлову на дачу.

Конец июня. Орлов возвращает Киселеву портфель, деньги и всю переписку, включая письмо Киселева государю.

Таким образом дело закрывается, не оставляя канцелярских следов.

Понедельник, 1 июля 1846 года. Уваров награждается графским титулом. За что поощрен Сергей Семенович?

За безупречное поведение или за безупречное послушание?

Получивший одобрение сановник превзошел сам себя. Вскоре Уваров разослал поистине умопомрачительный циркуляр: «Как надо понимать нам нашу народность... Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию».

Попечитель Московского университета Сергей Григорьевич Строганов пожал плечами, положил бумагу в дальний ящик и полгода не давал ей движения.

За что и был по настоянию Уварова подвергнут взысканию.

Однако не будем поверхностно судить о Николае. Было бы наивно полагать, что царь вовсе не различал грань между послушанием, выражающим готовность подчиниться высшим интересам государства, и послушанием угодливым, лакейским.

После Канкрин и Вронченко министром финансов стал Брок.

Однажды Николай сказал:

- Я бы желал сделать то-то и то-то, не знаю, найдутся ли у нас для этого средства?
- Для исполнения воли его величества средства всегда найдутся!

– Очень рад, что я не встречаю в тебе того всегдашнего противуречия, к которому меня приучил Канкрин. Что бы я ни спрашивал, у него всегда был один ответ: «Нельзя, ваше величество, никак нельзя!»

Брок счел этот разговор за крупный успех и принялся всюду хвастать высочайшим одобрением.

Но Николай хвалил не всерьез. Он понял, что Брок не способен стоять на страже государственной казны. И немедленно принялся искать замену негодному министру.

Мог ли Уваров, имевший «причину вражды» к Пушкину, быть причастен к рассылке пасквильных дипломов, к предыстории гибели поэта?

В книге «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголев привел донесение вюртембергского посланника Гогенлоэ:

«В обществе наибольшим доверием пользуется мнение, приписывающее их О.».

Щеголев поясняет, что с буквы «О» начинается французское начертание фамилии «Ouvarov».

В 1888 году в журнале «Русский архив» П. И. Бартенев пересказывал со слов очевидцев:

«Живы еще лица, помнящие, как С. С. Уваров явился бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевание Пушкина и как от него сторонились».

В 1931 году справочный томик «Путеводителя по Пушкину» повторял:

«Уварову упорно приписывалось участие в составлении пасквилей, вызвавших последнюю дуэль Пушкина»⁷.

До полного решения всех загадок остается, казалось бы, одна-две странички.

Впечатление обманчивое. В горах не кажется ли, что другая гора совсем рядом, рукой подать?

Но между ними – ущелья, пропасти, пещеры, непроходимые скаты и бог знает сколько дней обходного пути.

Не написать ли о том кружном пути другую повесть или другие повести?

Скажу наперед.

Не думаю, что от того исчезнет ощущение незаконченности, неутоленности. Сама жизнь Пушкина не закончилась, она оборвалась.

И ничьи поиски, ничьи догадки тут ничего не в силах изменить.

⁷ Сегодня, когда нам уже известно имя автора «пасквиля» (см. упомянутую книгу Петракова «Пушкин целился в царя»), без труда объясняется и происхождение эпиграммы «На выздоровление Лукулла», которая была отсроченной местью руководителю цензурного ведомства Уварову за вырезанные им строки в поэме Пушкина «Анджело». Что же до записи в дневнике Пушкина, то она была мгновенной реакцией на это цензурное изъятие и свидетельством того, что эпиграмма уже задумана. Об этом, например, писал А. Биргер в своей заметке об «Анджело» «Милость и жертва».

Сгруппированный портрет

Александр Пушкин отменно владел искусством диалектического мышления.

«Ум человеческий... видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения... но невозможно ему предвидеть случая...»

К сему следовал пример: можно было – и это делали – предсказать французскую революцию 1789 года. «Но никто не предсказал Наполеона...»

Иначе говоря, исторические процессы закономерны, личности неповторимы, и потому их появление непредсказуемо.

Пушкин разделял учение о необходимости непрерывных успехов просвещения, о неизбежности постоянного движения общества вперед.

Привожу – здесь и далее в новом переводе – запись, сделанную по-французски:

«Незыблемый порядок – вот первейшее условие благоденствия общества.

Как согласить это условие с непрестанным стремлением к совершенству?»

И подумать только, что вопрос, насущно важный для нашего времени, был столь ясно изложен полтора века назад!

И еще подмечал Пушкин: у посредственных писателей “une manie” (дурное пристрастие) к однотонности в обрисовке характеров. Заговорщик, если просит дать стакан воды, то непременно таинственным шепотом.

«Эта однообразность... эта всегдашняя чрезмерная страсть, разве это естественно?»

Не так у Шекспира. Злодей совершает не только тяжкие преступления, но и вполне достойные поступки. Он, злодей, иной раз способен произвести неплохое и даже трогательное впечатление.

Когда мы по ходу нашего повествования искали среди современников Пушкина самого коварного из негодяев, мы чрезмерно увлекались логикой поиска.

Набросав ряд обязательных примет, мы поочередно подставляли в центр картинки тех, кто сим признакам соответствует. Возникающие силуэты выглядели правдоподобно. Но, как известно, правдоподобие – самый опасный враг правды. Правдоподобие мешает разглядеть случайные, неожиданные черты, необычные сочетания. Оно не оставляет простора причудливой игре воображения.

Каждого из предполагаемых искомым мы привлекали еще и с побочной целью. Пусть данный искомый заведомо не тот, кто нам нужен, но какие-то его приметы смогут пригодиться. И вот каким представлялся сгруппированный портрет.

Тот, кого мы ищем, не Вяземский, но писал по-французски как заправский литератор.

Не Чернышев, но столь же злопамятен и склонен к закулисной интриге.

Не Строганов, но адъютант, сопровождавший государя в поездках.

Не Лонгинов, но человек злоязычный, переносчик слухов.

Не Уваров, но защитник мракобесия.

Человек, сочетавший перечисленные черты, существовал. В 1826 году намарал форменный донос сначала на Киселева, затем на Пушкина:

«Из Царскосельского Лицея вышел Кюхельбекер, участвовавший в бунте, а кто еще хуже – Пушкин, мерзкими, развратительными, но вместе щегольскими стихами осмеивающий императора Александра, правительство и основания, на которых опочитет величество России.

Стихи сии – в устах, а следственно и в сердцах мальчиков, находящихся в различных учебных заведениях... Что выйдет из сего поколения, с младенческих лет приобыкшего не почитать то, что для нас есть святого, издеваться над оным и поносить оное?

Я не постигаю, как покойный император, которому сии обстоятельства не могли быть безызвестны, оставлял их без внимания...»

Доносчик, этот «баснописец», как его именовал Меншиков, в своих печатных трудах превозносил деяния покойного царя. А в дневнике, в мемуарных записях неустанно собирал и выдумывал небылицы и немало преуспел в том, чтоб своими рассказными умалить и исказить личные качества Александра I.

Имя «баснописца» на страницах этой повести встречалось. Но, пожалуй, без него и без его имени вполне можно обойтись.

Возьмем, например, знание французского языка. Разве это условие обязательно?

За обеденным столом императора Александра два генерала вели меж собой оживленный разговор.

– О чем они говорят? – спросил у своего соседа глуховатый император.

– Простите, государь, но я не в состоянии их понять, так как они говорят по-французски! – ответил чистокровный француз Ланжерон.

Однако генерал, лишь воображающий, что говорит по-французски, мог отослать правильно написанное французское письмо. При условии, если у него был знающий адъютант.

Вот шутивное признание прославленного полководца А. П. Ермолова в письме к другу Киселева Закревскому:

«Поклонись *орлову* и *Киселеву*. Эти повесы для того ко мне не пишут, что по-русски писать не умеют. Пусть пишут по-французски, теперь есть у меня народы, могущие в ответ отпустить *министерьяльную ноту*, а я подпишу. Не раз в жизни случится каждому из нас чужой труд выдать за свой. Я как знатный господин уже тем промышляю».

Если письма, даже и сугубо личные, пишут адъютанты, то какое имеет значение сходство почерка?

А разве обязательно искать похитителя в составе сопровождающей царской свиты? Обычай был таков – по распоряжению императора изготавливается указ о награждении арендой. Указ отсылается в Петербург, в Министерство финансов. Министерство неспешно «собирает пакет», затем препровождает требуемую сумму через то ведомство, в коем состоит награждаемый.

Значит, никакой флигель-адъютант, находящийся в поездке у царя на побегушках, конверт с деньгами оставить у себя не может, ибо к нему конверт не поступает.

Чтоб найти иголку в стоге сена, желательно знать, в котором стоге искать. Ворошить сено, копну за копной, надо было в Главном штабе, в чьем подчинении состоял генерал Киселев.

Начальник Главного штаба князь П. М. Волконский постоянно находится рядом с государем. Когда Волконский в очередном отъезде, его обязанности по Главному штабу исполняет Закревский.

Собственноручное вручение

Еще раз читаем письмо, которое доставил безмолвный вестник 15 мая 1846 года:

«С тем чтоб в его усмотрениях ничего не было упущено, Он приуговлял Вам денежную награду, которая долженствовала еще раз знаменовать Его благоволение».

Не означают ли эти слова, что денежная награда должна была чему-то сопутствовать?

В мае 1821 года Александр по окончании очередного конгресса европейских государей, проведенного сначала в Троппау, затем в Лайбахе, возвращается на родину. Из Лайбаха (нынешняя Люблина) царь выехал 1 мая.

В Петербург после более чем годового отсутствия вернулся 24 мая.

С юга России, из Тульчина, где находилась штаб-квартира 2-й армии, Киселев заранее прибыл в указанную ему точку пересечения с маршрутом царя – в город Слоним.

Награжденные любым орденом первой степени удостоивались собственноручного царского вручения. Вторую степень сопровождал собственноручно подписанный рескрипт о награждении. Грамоты на третью и четвертую степени оформлялись в Капитуле орденов, на подпись к царю не поступали.

Киселеву в Слониме была вручена Анна I степени. (Запись о награждении внесена в списки Капитула орденов позднее, 3 июня 1821 года. Эту справку даю для особо дотошных читателей, которые иначе, докопавшись до «Придворного месяцеслова», обнаружат непонятное расхождение в датах.)

Во время встречи с царем Киселев, отвечая на прямой вопрос Волконского, упомянул о том, что 23 апреля обручился с Софьей Потоцкой.

Содержание разговора известно из письма П. М. Волконского А. А. Закревскому. Закревский сразу же написал Киселеву:

«Рад душевно, что приемом... ты доволен: желаю, чтобы со временем обещанное было исполнено. С 1-й Анной тебя поздравляю».

По окончании аудиенции Киселев вернулся в свой штаб в Тульчин. Видимо, тогда же царь отдал Волконскому распоряжение приуготовить указ о денежном награждении, а вручение награды приурочить к свадьбе.

Точная дата встречи в Слониме выясняется из того же письма П. М. Волконского в Петербург. С дороги он 17 мая писал Закревскому, что на «прошедшем ночлеге» государь вручил Киселеву Анну I степени.

Стало быть, 15 или 16 мая 1821 года. О чем напоминает эта дата? О безмолвном вестнике!

Посыльный доставил таинственное денежное приношение вечером 15 мая 1846 года. Чуть ли не день в день через двадцать пять лет после свидания Киселева с императором.

Это совпадение бросает тень на кого-то из тех, кто в путешествии из Лайбаха в Петербург сопровождал государя.

Однако подозревать П. М. Волконского в чем-либо неблагоприятном нам представляется напрасной тратой времени и сил. Петр Михайлович, или, как его прозывали, Петрахан, был неоспоримо честен.

Честность бывает разная: истинная и безнравственная. У Волконского была прямо-таки маниакальная честность, весьма тягостная для его ближних. Он никогда ничего не просил для блага своих или жениных родственников. Но то была честность не гражданина, а трусливого бюрократа. Крайний эгоист, опасавшийся неосторожным поступком причинить вред своей служебной репутации, – вот что такое был Петрахан.

Он был довольно экономно наделен умственными ресурсами. Преданность, усердие, честность составляли его основной и оборотный капитал. Короче говоря, он был честен не по велению совести, а по расчету, из-за выгоды.

Второй по значению фигурой в Главном штабе являлся дежурный генерал (это название постоянной должности) Арсений Андреевич Закревский. Ради своенравной Грушеньки – полное имя его легкомысленной красавицы жены было Аграфена, – а также ради столь же известной дочери Лидии он был способен нарушить любой закон.

Ручаться за деловую порядочность взбалмошного сановника не приходится. Но у кого бы ни похитил Закревский изрядную сумму, вернуть её он был способен только по приказу Николая. А с ведома Николая не мог Закревский в сопроводительном письме писать Киселеву:

«Я был вашим врагом. Все вызывало мою ревность, или скорее ненависть». Это была бы явная чепуха: кому не известно, что Закревский в глаза и за глаза величал давнего приятеля Паша Киселев?

К тому же ни чепуху, ни правду Закревский не сумел бы изложить пофранцузски. Ему не хватало образованности.

Шутить! И век шутить!

Кто являлся в Главном штабе третьим по важности лицом? Князь Александр Сергеевич Меншиков. «Самый остроумный человек в России, ум отрицательный, характер сомнительный», – так отозвался о нем кто-то из современников.

Историк Е. В. Тарле в своем двухтомном труде «Крымская война» посвятил ему немало горьких строк:

«Он был циник и скептик, откровенно презирал своих коллег по правительству и не давал себе никакого труда скрывать это. Меншиков издевался над... министром финансов Вронченко».

По-видимому, именно Меншиков без особых на то оснований, ради смеха перекрутил фамилию министра: «Не в меру Вральченко». Было бы не удивительно, если бы Вронченко постарался в свой черед подкузьмить придворного остроуслова.

Тарле продолжает:

«...Была у него еще одна убийственно вредная черта: его бесспорный и тонкий ум был каким-то вялым, недейственным, ни малейшей энергии мысли, не говоря уже об энергии волевой, у него не было».

Тарле отмечает также беззаботность и благодушие, то есть неумение и нежелание предвидеть и заранее обдумать даже и неизбежные затруднения и неприятности. Мол, ничего невыгодного для царской России случиться не может, а если что и случится, все равно, как-нибудь обойдется.

Меншиков, по мнению Тарле, был одним из главных виновников возникновения и неудачного хода Крымской войны. Тарле говорит:

«Адмирал Матюшкин, благороднейший человек, один из любимейших лицейских товарищей Пушкина, тот, кому посвящены такие сердечные две строфы в бессмертном „19 октября“ 1825 г., разумеется, не мог не быть принципиальным врагом Меншикова, не мог не возмущаться и этим лукавым царедворцем, и его клеветами и прихлебателями, и всеми методами его хозяйничанья во флоте».

Не утаим, что Тарле все же признал за Меншиковым одно, как полагал историк, бесспорное достоинство:

«Будучи очень богат, князь Александр Сергеевич никогда не воровал казенных денег. Это при николаевском дворе так бросалось в глаза, что об этой странности тогда много говорили в петербургском высшем свете, о ней даже иностранные представители писали в своих донесениях, и вообще так все к этой черте относились, как относятся люди к диковинной игре природы, вольной в своих прихотях».

Заметим ради точности, что Меншиков, по его словам, далеко не всегда был очень богат. В 1815 году он писал Закревскому:

«Ты принимаешь за шутку следующую о мне правду: „мои финансы плохи“, и мне нужно долгое время для поправления оных. Вступая теперь в правление имения, я нашел 300 000 долгу при 32 000 доходу, и на первый случай почти нечем изворотиться...»

Впрочем, возможно, что прибеднялся. От скупости. Недаром позднее Меншиков о себе говорил, что он, «прослыл скупцом, старается сохранить эту репутацию».

Скажем сразу, что отношения Меншикова и Киселева не были гладкими. Прямое свидетельство находим в наставительном письме Закревского Киселеву от 15 декабря 1819 года из Петербурга в Тульчин:

«Начатая переписка у тебя с Меншиковым должна обоюдно с обеих сторон поддерживаться: прошедшее должно забыть».

Свадьба Киселева с Софьей Потоцкой состоялась в конце августа или в сентябре 1821 года.

А точнее, 25 августа, в Одессе, при свидетелях градоначальнике графе А. Ф. Ланжероне и генерал-майоре Михаиле Орлове. По двум обрядам: сначала в православной церкви, затем в католической. (Это обстоятельство – католический брак – навсегда исключило возможность официально оформить развод.)

...Предположительно приняв за исходную сумму награды сорок тысяч рублей, вычисляем, что сложные проценты нарастают двадцать четыре года и девять месяцев.

А точнее? С 15 августа.

Значит, если мы рассуждаем правильно, наградной пакет был доставлен из Министерства финансов в Главный штаб около 15 августа.

Кто получил, кто докладывал государю и кто был «уведомлен о Его щедрых помышлениях»?

Волконский часто болел. Закревский в начале сентября уехал в отпуск, вернулся только в декабре. Какое-то время оставался один Меншиков.

Год его рождения? 1787-й. То есть Киселев хоть всего лишь на год, но моложе Меншикова. Как с французским языком? Читал книги на трех иностранных языках и «безукоризненно писал по-французски». (Похвала принадлежит Тарле.) Что ни говорите, а «покаянное письмо» Искомый должен был сочинить сам, не посвящая адъютантов в неприглядные дела.

Имел ли сына, подходящего по возрасту для роли бессловесного посыльного? Один сын средних лет, в 1846 году ему тридцать один год.

Отличался ли Меншиков по части интриганства? Слыл одним из первостатейных.

Сопровождал ли государя в поездках? Многократно. В том числе был в Троппау и Лайбахе. Следовательно, 16 мая 1821 года Меншиков находился в Слониме.

Впоследствии, через двадцать пять лет, ему было достаточно заглянуть в свой обширный дневник.

(После кончины Меншикова большая часть тетрадей поступила в личную библиотеку его императорского величества. В дальнейшем дневник неоднократно цитировался. Оттуда приводился враждебный отзыв о Киселеве – «злодей дворянства».)

Итак, в мае 1821 года генерал-адъютант Меншиков был в Слониме, а в августе мог иметь доступ к конверту. По должности директора канцелярии Главного штаба он был вхож к государю.

В мае 1846 года наравне с Киселевым заседал в комитете министров, пребывая в звании управляющего морским министерством.

Неустойчивого в убеждениях остроумца трудно безоговорочно отнести к числу постоянных идейных противников Киселева. Тут преобладала личная неприязнь. И конверт мог быть перехвачен не столько из жадности, сколько для того, чтоб чувствительно насолить отнюдь не богатому Киселеву.

Дурацкая, скверная шутка, растянувшаяся на двадцать пять лет?

Что злоязычного можно было сказать о Киселеве в 1821 году? О дуэли с Мордвиновым? Дуэль не выдумка, но состоялась позже. История с сестрой жены? Опять-таки более поздняя. Нельзя ли под «доводами, коих ныне стыжусь», разуметь слухи об участии Киселева в тайном обществе? Если б такие разговоры уже имели место – разве приехал бы государь осенью 1823 года на маневры 2-й армии, разве явился бы в логово заговорщиков? Как бы то ни было, одного этого поступка довольно, чтоб усомниться – действительно ли император страдал манией преследования.

Пожалуй, вот что можно было «надуть в уши»: Киселев свободное время проводит большею частью с отъявленным безбожником Пестелем. Очень может статься, что и сам он такой же безбожник.

По тем временам сего было довольно. Император не мог публично поощрять безверие.

Царь все же послал свадебный подарок – украшенную драгоценностями табакерку. Но не за счет казны, из своих личных средств.

Посыльный

Кто был бессловесный посыльный, он же безмолвный вестник? И чьей рукой написано безымянное письмо? Рукой Искомого? Как мы полагаем – Меншикова? Предположение заведомо невозможное: среди бумаг Киселева хранились письма от Меншикова, после простого сличения почерка загадка была бы решена. А Искомый по вполне понятным причинам желал, «дабы в неведение оставалось имя автора». Кто бы ни был Искомый, он должен был

а) непременно сам сочинить французский текст письма,

б) ни в коем случае своей рукой его не переписывать. Почерк любого крупного сановника был бы установлен без особого труда.

Письмо переписала жена, сын, племянник? Предположение не из самых вероятных. Кому охота ни с того ни с сего предстать перед своей семьей в качестве мелкого мошенника?

Письмо переписывал адъютант? Но если в тайну посвящен посторонний человек, это уже не тайна. Один человек расскажет «только одному», и эта цепочка довольно быстро обратится в слух, которым земля полнится.

Слухов не было, цепочки не было, так как не было одного посвященного.

Выходит, что письмо вообще не могло возникнуть, поскольку его содержание никому нельзя было доверить.

И все ж таки Киселев письмо получил, оно по сей день хранится в составе его архивного фонда.

Поищем выход из лабиринта.

Безмолвный вестник должен знать латинский алфавит, свободно писать латинским шрифтом.

Вместе с тем он должен не знать ни слова по-французски!

Этого не довольно. Ему должны быть незнакомы родственные с французским языки – итальянский, испанский, английский.

Что остается? Немецкий?

Немецкий тут ни при чем: в то время немцы признавали только готический шрифт.

Не значит ли это, что путь из лабиринта ведет через скандинавские страны? Вот где шрифт латинский, а словарный состав с французским не соприкасается.

Эти «скандинавские» сведения должны быть в точности известны Искомому.

И вот она, добавочная улика: А. С. Меншиков бегло владел шведским разговорным языком!

А все, что Меншиков знал, он не забывал. Он любил удивлять своей памятью. Встретив собеседника через семь лет, начинал беседу с той фразы, на которой остановился разговор семь лет назад.

Вероятно, еще в бытность генерал-губернатором великого княжества финляндского Меншиков, щегольнув знанием языка, приобрел надежного сотрудника из числа проживающих в Финляндии шведов. Во всяком случае, позднее, в 1846 году, одним из адъютантов Меншикова являлся человек, знающий шведский язык. Некто Борис Нордман, впоследствии вице-адмирал.

Предположим, хотя это вряд ли вероятно, что Б. Д. Нордман французского толком не знал.

Дальнейшее вообразить не трудно.

Меншиков приглашает Нордмана в свой кабинет, просит тут же, то есть на его глазах – без обращения к словарям, без применения копировальной бумаги, переписать письмо. А в тексте нет цифр, нет имен, кроме императора Александра. То есть никаких зацепок для человека, не шибко понимающего по-французски.

Итак, письмо переписано чужой рукой. И вместе с тем ни одному постороннему лицу содержание письма неизвестно.

Чтоб не привлекать лишних людей, Искомый 15 мая вечером отправляется в коляске вместе с адъютантом. И перед швейцаром Киселева предстает действительно похожий на иностранца безмолвный вестник.

«Странное происшествие»

Достоверна ли столь хитроумная версия? На наш взгляд, тут недостает причинных связей, не видно логики в поведении Меншикова. Ни с того ни с сего похитил, ни с того ни с сего вернул. Не то над Киселевым шутил, не то над собой подшучивал... Поистине «странное происшествие».

Впрочем, нашим читателям неизвестно, что это выражение принадлежит самому Павлу Дмитриевичу Киселеву. Оно встречается в его памятной записке, составленной 20 июля 1846 года.

Вот перевод с французского, принадлежащий А. П. Заблоцкому-Десятовскому. Предварительно оговоримся: текст заметки Киселева приводим в целях полемических. Требуется доказать, что наше изложение исходных условий задачи не уклонялось от истины.

«16 мая 1846 года я получил портфель (принесенный неизвестным человеком накануне вечером и отданный моему швейцару) с кредитными и банковыми билетами на сумму 138 996 руб. и с анонимным письмом, в котором говорилось, что эта сумма составляет возвращение (restitution). Я прежде всего считал долгом довести до сведения Государя об этом странном происшествии, что я и сделал по прибытии Его Величества в С.-Петербург, 8-го июня. Государь, узнавши об этом, говорил со мною о Его намерении предоставить исследование, о котором я просил, графу Орлову: так как лучшего выбора нельзя было сделать, то я и выразил Государю мою благодарность.»

По некоторым соображениям граф Орлов предполагал, что это письмо и предполагаемое возвращение было делом моей жены, и, переменивши кредитные билеты на билет сохранной казны в 92 525 руб., он прислал мне его вместе с 11 билетами коммерческого банка, что все с процентами по 16 мая 1846 года по его расчету составляло сумму 142 876 руб. В то же время граф Орлов мне возвратил письмо, которое я писал Государю, и объяснил, что более полные розыскания были бесполезны и что, по его мнению, одобренному Его Величеством, я могу располагать этим приношением по моему усмотрению...

Я решился всю сумму положить в опекунский совет и продолжать необходимые розыскания для открытия автора анонимного письма, а до тех пор воздержаться в течение моей жизни от всякого окончательного решения...сделав завещание, что оставляю право дарителю взять его даже назад при моей жизни.

С.-Пб. 20/VII, 1846.»

В завещании Киселева, вскрытом после его кончины, этот эпизод не упоминается. «Вопрос о том, кто и с какою целью сделал это приношение... для нас остается не разрешенным», – так комментирует свою публикацию биограф Киселева А. П. Заблоцкий-Десятовский.

Произведение, посвященное примерно тому же сюжету, в 1960 году сочинил писатель-пушкинист Леонид Гроссман. В его эссе «У истоков “Бахчисарайского фонтана”» основные действующие лица все те же: Александр Пушкин, Павел Дмитриевич Киселев, Софья Станиславовна Киселева, ее сестра Ольга, а также... анонимное приношение.

По мнению Л. П. Гроссмана, Пушкин на протяжении многих лет был тайно и безуспешно влюблен в Софью Киселеву.

«Позднейшие пушкиноведы много сделали для расшифровки имени этой незнакомки. Они назвали восемь современниц поэта в качестве возможных вдохновительниц “Бахчисарайского фонтана” и объектов любви его автора. Это были...» (Следует перечисление имен.)

«Вот кого исследователи русской поэзии ...собрали у входа в ханский дворец Бахчисарая».

К восьми женским именам Гроссман прибавляет девятое. Согласно его рискованной догадке Софья Киселева и есть «утаенная любовь» поэта. Но, как утверждает далее автор эссе, Софья Станиславовна высоко чтит свой супружеский долг. Она неоднократно пытается восстановить порванные отношения с мужем. Причиной их разрыва объявляется сестра-разлучница Ольга. Киселев, этот черствый, холодный эгоист, опять-таки на протяжении многих лет остается в сетях коварной Ольги.

Образ Киселева выписан сплошной черной краской. Покинутая Софья обрисована в тонах голубых и розовых. Ее нравственный облик превознесен при помощи истории «странного приношения».

«Личная жизнь Киселевой остается безотрадной и одинокой. Разрыв с мужем растет и углубляется, несмотря на ее неизменную преданность любимому человеку. Яркий эпизод, характеризующий верность Киселевой своему чувству, произошел уже после многих лет ее разлуки с П. Д. Киселевым. 16 мая 1846 года он получил пакет с кредитными билетами на сумму 138 996 руб. и с анонимной запиской, в которой эта сумма называлась возвращением долга. Автор в свое время якобы помешал Александру I наградить Киселева и стремится через двадцать пять лет искупить свою вину возмещением ему отнятой когда-то суммы.

Начальник Третьего отделения А. Ф. Орлов, как и сам адресат этой наградной грамоты, пришли к заключению, что деньги посланы Киселеву его женой, которая избрала такой тонкий способ, чтобы отблагодарить мужа за бескорыстие, какое он проявил к ней в момент их разрыва.

Анонимный дар политического врага выражал на самом деле благодарность неизменно преданной женщины».

В своей трактовке «приношения» Гроссман опирается на изданный в 1946 году объемистый труд видного советского историка Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева».

Серьезные ученые, даже когда они заблуждаются, редко совершают ошибки беспричинные, ни на чем не основанные. Вот какую связь событий усмотрел Н. М. Дружинин.

В качестве приданого Софья получила от матери два крупных имения в Уманском повете Киевской губернии. С 1829 года супруги жили раздельно. В 1834 году, по возвращении Киселева из Бухареста в Россию, они заключили меж собой письменное соглашение. Оба киевских владения остаются личной собственностью Софьи. Ведают ими Киселев, а доходы делятся на половинных началах.

В 1840 году одно из имений было продано казне. Разумеется, не Министерству государственных имуществ: министр Киселев не мог выступать одновременно покупателем и продавцом. Имение было продано военному ведомству.

Второе имение Киселев намеревался откупить у жены в свое единоличное владение, но передумал. И, как сообщает Н. М. Дружинин, в начале 1846 года *безвозмездно* вернул своей доверительнице «с умноженным инвентарем и доходами». «С. С. Киселева вознаградила мужа за понесенные труды и потерю приданого анонимным даром в 138 996 рублей».

После этих архивных разысканий историка становится возможным понять, что именно имел в виду граф Орлов, когда 12 июня 1846 года писал Киселеву:

«Моя догадка – что сие исходит от твоей жены. Это деликатный способ вернуть то, что тебе следует за бескорыстие, которое ты проявил во всем твоём отношении к ней».

Мы по-прежнему настаиваем на том, что версия о приношении «от жены» является неверной. Но мы были не правы, представляя эту версию как некую самоочевидную нелепость.

Впрочем, Н. М. Дружинин, излагая свою точку зрения, все же допустил одну явную неточность: он посчитал, что мнение генерала Орлова разделял биограф Киселева Заблоцкий-Десятовский.

Л. П. Гроссман к числу сторонников «внутрисемейной» версии столь же неосновательно причислил еще и Киселева.

Заблоцкий-Десятовский – мы дважды цитировали его заключение – оставлял вопрос открытым.

А Киселев? Киселев, по-видимому, с самого начала был близок к верному ходу мысли. Но в письме к Николаю выражался столь туманно, что сказанное им и впрямь можно было принять за намек на Софью.

Ему, Киселеву, хотелось бы найти такое решение, которое «не унижало бы мое прошлое и не переходило за грань осторожных сомнений, которые иные, те, по отношению к коим я лишь исполнял свои обязанности, смогли бы счесть за крайнее себялюбие или неуместную гордыню».

Как сказал один поэт XX века, «пойми, как можешь, пойми, как хочешь, пойми, как поймешь».

Заповедное имение

В 1975 и 1976 годах почти одновременно увидели свет две монографии, посвященные одной теме: положение крестьян литовских губерний и реформа П. Д. Киселева. Авторы монографий, Т. Конюхова и В. Неупокоев, тоже упоминали о покупке имения.

На сей раз речь шла о другом имении. В Россиенском уезде Виленской (впоследствии – Ковенской) губернии находилось огромное поместье Юрбург, пожалованное в свое время Екатериной II ее фавориту Платону Зубову. Имение Зубовых, по данным одной из монографий, в 1841, а по другим данным – в 1842 году, по одним данным, за пятьсот тридцать, по другим – за пятьсот сорок пять тысяч рублей серебром было приобретено обратно в казну. В роли покупателя выступало Министерство государственных имуществ. Через три года, в начале 1846 года, Николай вновь подарил это имение – на правах майоратного, то есть заповедного, владения, не подлежавшего перепродаже или раздроблению.

Кому досталось бесплатно то имение, за которое министерство Киселева отвалило пятьсот сорок пять тысяч серебром?

Делаем предположение, очередное, оно же и последнее, других не будет, – Искомому.

Нетрудно представить, что Киселев почувствовал себя крайне неловко. При его участии подарено поместье стоимостью в пятьсот сорок пять тысяч серебром. После чего ему домой приносят сорок тысяч. С приплетением рассказа про какую-то давнюю денежную награду...

Мы начали с того, что пытались вычислить дату награды при помощи таблицы сложных процентов. То был обременительный и, возможно, напрасный труд. Вот другой, куда более простой расчет.

Известно, что неизменный официальный курс серебряного рубля равнялся трем с половиной рублям бумажным. Таким образом, сорок тысяч рублей серебром, умноженные на три с половиной, – это и есть сто сорок тысяч рублей бумажных.

Почему же сумма «приношения» не была круглой?

«Лишние» две тысячи восемьсот рублей, по всей вероятности, составляли так называемый лаж. Так именовалась небольшая приплата, взимаемая при обмене бумажек на серебро.

Значит, исходная сумма – сорок тысяч серебром – была возвращена беспроцентно. В таком случае дата присвоения не ограничена никакими подсчетами, она могла быть любой.

Отныне мы вправе принять во внимание и 1817, и 1818, и начало 1819 года. Как раз в это время Киселев находился в подчинении у Искомого, награда законным порядком должна была проходить через начальственную руку командира гвардейского корпуса.

Не прошла, прилипла?

Но была ли она вообще?

Вот в какой связи Киселев в письме к царю спрашивал – вправе ли он, Киселев, принять приношение, которое явилось *«под прикрытием имени, для меня священного»*.

«...Мои опасения относительно законности подобного приношения, под видом некоего возвращения, мне совершенно неведомого, меня глубоко озаботили...»

Тем самым Киселев, в сущности, спрашивал: не кроется ли под видом приношения слегка замаскированная «благодарность»?

Теперь становится понятно, почему Киселеву было столь важно в точности выяснить: действительно ли когда-то имело место присвоение денежной награды?

Иначе приношение – всего лишь уловка, за которой прячется самая обыкновенная взятка.

Действительно ли *даритель* являлся похитителем?

Это оставалось неразъясненным.

Знакомый голос

Еще одно недостающее звено долговременно покоилось... у меня дома. В развале на верху книжного шкафа попался на глаза комплект «Русского архива» за 1875 год. В нем напечатана подборка писем.

Впрочем, ради стройности изложения я тут упрощаю ход поиска.

На самом деле сначала, когда я наткнулся на подборку писем и попробовал с ней познакомиться, я пришел к выводу, что сами по себе письма ничего не доказывают, и забросил журнал на прежнее место.

Но если бы не было сей бесполезной попытки, я бы не насторожился, просматривая далековатые от темы сведения о судьбе майоратного имения Юрбург.

Тот, кому царь Николай преподнес заповедное имение, ранее, начиная с 1817 года, командовал гвардией. Публикация «Русского архива» как раз и состояла из обращенных к Александру I писем командующего отдельным гвардейским корпусом. Написаны они, как того требовал этикет, по-французски. Предлагаю перевод одного из них, сделанный заново:

«Государь!

Я получил письмо, коим Ваше Императорское Величество благоволили меня удостоить. Если б в моем ответе я следовал лишь советам сердца и личному отношению – Вы мне предоставили, Государь, слишком удобный случай отплатить добром за зло и тем самым дать почувствовать забвение своего долга человеку, против которого я не только не имею ничего личного, но коему всегда оказывал внимание. Однако в данном случае дело идет не обо мне; это о Вас, Государь, идет речь; то есть о впечатлении, которое подобная благосклонность произведет на умы.

Что скажут те лица, кои не уклонялись от своих путей, кои остаются в неразрывном единении с властью, кои не дали себя увлечь площадными мнениями, – что скажут они, когда узнают, что Ваше Императорское Величество вознамерились явить милость человеку, который явным образом позволил себя увлечь и чье поведение достойно порицания в глазах всех благонамеренных людей?

Я вновь повторяю, Государь, что в подобных обстоятельствах мне затруднительно исполнять мой долг; лишь с усилием не уступаю я побуждению сердца, но я был бы недостоин служить Вашему Императорскому Величеству, если бы меня могли бы направлять соображения личные.

Мне отрадно веровать, Государь, что мое поведение в сем случае Вы вмените лишь безграничной преданности, которую я питаю к Вашему Императорскому Величеству; никакая злоба, никакая вражда не имеют доступа к моей душе, и я могу добавить, что решительно ни с кем не повздорил; однако моя совесть не была бы покойна, если б преступным угождением я подвигнул бы вас, Государь, на некий ложный шаг».

Еще раз попрошу читателей восстановить в памяти безымянное письмо о денежном приношении. Судите: не написаны ли оба письма одним и тем же лицом?

Прежде всего бросается в глаза высокопарность слога, выпренность тона. А что за сим кроется? Какое-то мелочное своеволие...

Мне сразу почудилось, что тут налицо сходство характеров. Но мои впечатления не беспристрастны: возможно, меня сбивает азарт поиска.

Навряд ли допустимо объявлять чьей-то личной приметой то, что было присуще многим. А сочетание чванства и угодливости, спесивости и лести было явлением обычным.

И все же заметим, что кроме сходства тона тут налицо еще и сходство положения. Новонайденное письмо с необычной горячностью возражает против ожидаемого, более того, против уже предрешенного царем денежного награждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.